

Людмила Милевская

Мерзавец на ВЫДАНИЕ

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЭКСМО

Детектив с клубничкой

Людмила Милевская
Мерзавец на выданье

«Автор»

2003

Милевская Л. И.

Мерзавец на выданье / Л. И. Милевская — «Автор»,
2003 — (Детектив с клубничкой)

Что хорошего можно ждать от жизни, если ты верзила, дылда, каланча? С детства Валерия считала себя уродиной и неудачницей. И с мужчинами ей не везло. Вечно около нее крутились неприметные блондины небольшого росточка. А она мечтала о брюнете. Задумчивая подруга Лизка задалась целью выдать Валерию замуж. Она пристроила ее в школу телохранителей в Лондоне. В конце учебы девушке наконец-то повезло: она выиграла конкурс на выгодное и престижное место телохранителя миллиардера Дорофа! А вскоре познакомилась с красавцем мужчиной, мечтой всей ее жизни. Но интересный брюнет оказался международным террористом, которого разыскивал Интерпол. Бедняжка Валерия была лишь орудием, с помощью которого преступник намеревался подобраться к Дорофу. И очутилась Лера в роли то ли подсадной утки, то ли овцы на закланье, то ли была разменной монетой в отчаянной игре миллиардера и террориста...

© Милевская Л. И., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Вместо пролога. Предательство	6
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	31
Глава 8	37
Глава 9	40
Глава 10	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Людмила Милевская

Мерзавец на выданье

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Вместо пролога. Предательство

Все утро ругались. Вдруг на него нашло: начал ее ревновать – просто взбесился. Она тащила его в номер, он же вбил себе в голову: «Я ей надоел», – и злился, злился, злился – делал все наоборот.

«Перемигивалась с тем здоровущим брюнетом, чей столик у фонтана, – злобствуя, думал он. – Увидела его, оживилась. Явно кокетничала. А меня старательно прятала, прикрывала собой.

Стыдится! Ну да, ей за меня стыдно. Она считает меня уродом. Ей нужны только деньги. Мои деньги. Так будет всегда. Так было с Шанталь. И с Лаурой. И с Диной, и с Сарой...

Ну почему я на них западаю? Все эти длинноногие красавицы-дылды одинаковы. Невинные губки, наивные глазки, ангельские мордашки, а сами копилки.

Копилки!

Жерди! Верзилы!»

Все утро ругались.

– Дороф, – отбивалась она, – не чуди, никто мне не нужен, ни на кого я не смотрю, ты самый лучший...

– Самый?

– Да!

– Нет, не самый. Всего лишь десятый. Удивляюсь... Да нет, просто не понимаю, зачем ты выбрала меня, когда целых девять человек впереди. Они же гораздо богаче. Одна из них, правда, женщина. И двое – голубых. Остальные и вовсе женаты. Вот и ответ: я единственный холостяк в золотом списке.

– Да, ты единственный холостяк, – согласилась она и озорно добавила: – Ты единственный холостяк, которого я люблю.

– Все женщины лгуны.

Она обиделась и капризно поджала пухлые губы:

– Дороф, это зло. Очень зло. Я не заслужила. Ну что на тебя нашло? Чем я тебя обидела?

Он пожал плечами:

– Ничем.

Сидящий у фонтана брюнет кому-то улыбнулся, от чего его мужественное лицо неожиданно преобразилось: на щеках появились детские ямочки, задорно сморщился нос. Он поднялся из-за столика и с ленивой небрежностью прошелся мимо ограды, наклонился к фонтану, поймал в ладони бойкую струю, игриво стряхнул с рук капли воды, вытер лицо и, поглядывая на часы, уселся обратно за свой столик.

Дороф зло подумал: «Что он бродит здесь, этот красавчик? Кого он ждет?»

Перехватив злой взгляд жениха, она от брюнета отвернулась, но всем своим видом выражала раздражение и недовольство. Он смягчился:

– Прости меня и не сердись. Жарко, неважное самочувствие.

Она вздохнула, нервно глянула на часы, тряхнула золотыми кудрями, улыбнулась, ласково попросила:

– Дороф, миленький, хватит ругаться. Пойдем в отель, я больше не могу сидеть на солнцепеке. Алжир ужасная страна: слишком много солнца. Мне здесь страшно надоело. Умоляю, Дороф, пойдем под кондиционер, пока я солнечный удар не получила.

Он сдался:

– Пойдем.

Уже в лифте, с нежностью глядя на нее, он подумал: «И в самом деле, что со мной? Совсем девчонку замучил. С чего вдруг взял, что не любит меня? Сара, Лаура, Дина, Шанталь

– стервы, конечно, но Лена другая. Она русская. Русские женщины особенные. Они умеют любить. Дед утверждал, что русские женщины самые лучшие в мире. Теперь я и сам так могу сказать. Лена – самая лучшая. Она честная, умная, красивая...»

Он себя успокаивал, и все же было тревожно, муторно на душе. Почему? Предчувствие?

Он на себя разозлился: «К черту предчувствие! Лена моя невеста! Мы скоро поженимся! Скорей бы...»

Интересно, что она думает обо мне? Кто я в ее глазах?

Впрочем, какая разница...»

Он невесту любил, но порой казалось ему, что женщины вообще не думают. Когда им думать? Лена так занята: «тащится» перед зеркалом, что-то жует, ругает прислугу, в солярии часами «фритюрится», листает журналы, «зависает» в бассейне, «отшикаривается» в салонах, «шопингует» и все это с трубкой под ухом: болтает, болтает, болтает...

За такие мысли он обычно себя ругал.

Когда вошли в номер, Лена метнулась к окну, рухнула на диван, нервно глянула на часы и попросила:

– Милый, иди ко мне, расскажи почему такой грустный.

Неожиданно он заупрямился:

– Нет.

Она капризно надула губки и пропела:

– Люби-мый, я хочу зна-ать.

Он покачал головой. Ее красивое лицо исказила гримаса испуга:

– Не сядешь?

– Нет.

– Но почему?

– Не хочу.

Она (в который раз?) нервно глянула на часы и закричала:

– Дороф! Я обижусь! Сейчас же иди ко мне!

– Зачем?

– Расскажешь о себе.

– Что?

– Все-все. Кто твои предки? Откуда они? Все-все расскажи.

Он оперся спиной о дверной косяк, небрежно закинул ногу за ногу и рассмеялся:

– Невеста за три дня до свадьбы наконец заинтересовалась родословной жениха.

– Не язви.

Он согласился:

– Хорошо, не буду. Даже расскажу: я русский. Мой дед, Михаил Доров, в тридцатых прошлого века уехал из России, сбежал в Америку от Сталинских репрессий. В Америку, как думалось ему, в свободную страну. Там наша фамилия претерпела некоторые изменения: Доров стал Дороф. Впрочем, это обо мне можно прочесть в любой газете.

– Я знаю, – она снова глянула на часы: – Дороф, умоляю, не упрямься, подойди ко мне! Подойди! Ну на секундочку!

– Зачем? – удивился он и подумал: «Странная настойчивость. Порой этих женщин не поймешь».

Лена рассердилась, нахмурилась, потом неуверенно улыбнулась, но улыбка тут же сползла, а чистый лоб собрался в морщины.

«Что с ней сегодня?» – удивился Дороф, наблюдая за внутренней борьбой невесты.

Она вдруг взяла себя в руки и «надела» на лицо улыбку. Улыбка прочно сидела, но Лена продолжала нервничать, и Дороф это чувствовал.

– Я что-то скажу тебе на ушко, – нежно начала она, но, вновь глянув на часы, вдруг истерично завопила: – Дороф! Если ты сейчас же ко мне не подойдешь...

– То что? Что будет? – удивился он.

– Зареву!

– Не надо.

Он оторвал спину от дверного косяка и нехотя двинулся к Лене, но не успел сделать и двух шагов, как прогремел взрыв. Дверь вынесло, Дороф вылетел в коридор и потерял сознание. Когда очнулся и понял, что жив, сразу подумал о невесте. И в тот же миг перед глазами встала картина: подкинутый вверх диван, на котором она сидела, и сноп огня, куски бетона, щепки панелей, крошка битых стекол...

Но Лена была жива. Дороф долго стоял у больничной кровати, глядя на ее длинное, покрытое бинтами тело.

«Эта оказалась хуже всех, – с тоской думал он. – Эта вообще террористка. Но сколько же ей заплатили? Ясное дело, она не думала умирать. Заманивая меня к окну, она рассчитывала на снайпера, но ее обманули, динамит подложили в диван...

Но я-то, я, дурак, куда смотрел? Что нашел в ней? Дылда! Верзила! И дура!

Конечно, дура! Через три дня была бы моей женой, была бы очень богата... Ну сколько ей, там, заплатили...

Ему сказали, что она умирает, и это было действительно так: Лена умирала.

«Ненавижу, – мысленно твердила она, – ненавижу этого Дорофа! Из-за него все! Из-за него! Что теперь будет? Как он там, мой любимый? Я его подвела. Через месяц была бы у нас свадьба, а теперь я умираю».

Лена умерла с мыслями о том брюнете, который сидел за столиком у фонтана. Умерла, так и не осознав, что он ее и убил: хладнокровно послал на верную смерть.

А она его очень любила – любила его детскую улыбку, его ямочки на щеках, его задорно сморщенный нос...

«Задорно сморщенный нос...»

С этой мыслью она и угасла на глазах изумленного Дорофа.

А на следующий день в газетах появилось сенсационное сообщение: «... в Алжире состоялось покушение на миллиардера Майкла Дорофа, да вот незадача: террористка погибла и пострадал двойник, а сам Дороф, лица которого по-прежнему никто не видел, наслаждался красотами недавно приобретенного им острова в водах Тихого океана».

Глава 1

С мужчинами с детства Валерии не везло. Самый первый ее любимый мужчина – отец – оказался предателем.

«Дочка, я обидел маму, а не тебя», – говорил он, и Валерия ему верила.

Верила целый год, но когда увидела как он целует жалкий сморщенный и очень крикливый комочек, укутанный в розовое, пенящееся кружевами одеяло, Валерия поняла, что предал отец и ее.

«Папа, я тебе уже не нужна,» – сказала она, и отец исчез из ее жизни – больше они никогда не виделись.

Они не виделись, но маленькая Валерия еще долго ждала его и любила. Но он жил с тем жалким комочком, пеленал его и кутал в розовое одеяльце. Мать говорила, что это совсем не комочек, а сводная сестра, но Валерия до сих пор не могла считать сестрой ту, которая отобрала у нее отца.

Порой она думала: «Если бы не предательство отца, жизнь была бы совсем другой – светлой и счастливой, а теперь – одиночество и тоска».

Казалось, редкие удачи посланы лишь для того, чтобы усилить серый жизненный фон: тоску и одиночество.

Внешне отец был так себе: неприметный щуплый голубоглазый белокожий блондин среднего роста, неуверенный в себе, застенчивый и смешливый. Впоследствии Валерии нравились только такие...

Нет, вообще-то нравились разные (и шатены, и рыжие, и брюнеты), но серьезные отношения завязывались только с такими: с неприметными щуплыми голубоглазыми белокожими блондинами среднего роста, стеснительными и смешливыми.

И не было бы в том большой трагедии, если бы не комплекция Валерии. Валерия оказывалась выше своих избранников едва ли не на голову, в самом прямом, а не переносном смысле. Избранников разница в росте не волновала, но Валерия стыдилась своей долговязости и переживала. Тем более, что подруга ее, Елизавета Крылова, подливала масла в огонь, хронически недоумевая.

– Ты же красавица, Лерка, – твердила она, – так почему выбираешь уродов?

Как говорится, на вкус и цвет товарищей нет: возможно, Валерия красавицей и была, но строгая мамаша, наградившая ее гренадерским ростом, слишком часто сокрушалась вслух, что дочка растет каланча, и жениха ей ввек не сыскать.

Мать-то ладно, родилась она раньше своего времени. В годы ее молодости в моде были озорные пампушки, а про таких, как она, действительно говорили «длинная» и «каланча». Но если бы только мать. С детских лет белобрысая голова Валерии возвышалась над головами сверстников. Естественно, ее дразнили верзилой. С мальчишками отношения складывались чисто мужские.

Но однажды ей почти повезло. Когда Валерии было пятнадцать, у нее наклеывался роман с мальчишкой из соседнего двора. Он как-то рискнул за ней поухаживать, но все закончилось чрезвычайно трагично. Для Валерии трагично, потому что для окружающих как раз наоборот: история эта выглядела весьма комично и потом еще долго над ней всем двором потешались на горе несчастной Валерии.

А было вот что. Однажды, после милой прогулки по городу под луной, молодые люди забрели во двор Валерии. Там было шумно по причине выходного дня. Естественно, каланча-Валерия сразу обратила на себя всеобщее внимание. Ухажера тоже рассматривали с пристальным любопытством – кто он, отважный герой? Он же повел себя независимо: уверенно расположился на лавке под фонарем и нетерпеливыми жестами приглашал присоединиться к нему и

Валерию. Под насмешливыми взглядами соседей она смутилась, растерялась и стояла, нервно теребя свою косу. Кто-то возьми и крикни:

– Куда зовешь ее, дурачина? Эта дылда нам лавку развалит!

Услышав такое, Валерия возьми и на лавку присядь, рядом с молодым человеком, а лавка возьми и развалилась. И никого уже не интересовало, что старая лавка давно на ладан дышала. Смеху было...

Молодой человек сломал ногу и потерял к Валерии интерес. Она же отделалась легкой физической травмой и тяжелейшей душевной. Издевательский хохот соседей еще долго мучил ее в ночных кошмарах и преследовал днем шумами в ушах. Мать даже водила дочку к врачу и даже диагноз был страшный: невроз!

Впрочем, Валерию не слишком лечили – прошло все само, но после той лавки она окончательно поняла, что обречена на горькую женскую долю – на несчастливую бабью судьбу.

Пытаясь найти поддержку у матери, Валерия поделилась с ней опасениями и тут же пожалела об этом. Мать согласилась с дочкой охотно и от себя еще много такого добавила, что Валерия зарыдала.

С тех пор Валерия уже осознанно боялась мужчин. Уверовав в опыт матери, она теперь знала: мужикам нравятся только карманные женщины – они терпеть не могут верзил. Валерия жутко страдала.

Мамаша видела ее страдания и страшно по этому поводу переживала, не скрывая тяжелейших переживаний своих от бедной дочери. Валерия прятала свой рост, старательно сутулилась, как черт от ладана, шарахалась от парней и с потрясающей частотой падала с лавок, скамеек и стульев...

Однажды под ней развалился даже диван!

Короче, жизнь ее не шла, как у других, а катилась кубарем с тех предметов, на которых обычно сидят.

Разумеется, в таких невозможных условиях трудно было отыскать заветную генеральную линию защиты и нападения, прозванную в народе женским кокетством. Линия эта каждую женщину по жизни не просто ведет, а порой проникать помогает и в тесные щели сердец настоящих хозяев жизни – царей природы.

Но начисто лишенная кокетства Валерия ни о каких царях не помышляла. Пока подруга-Елизавета сама выбирала то, что ей по сердцу, Валерия, стыдливо опустив глаза, ждала когда найдется тот, кто совсем ни на что не гош и окончательно никому не нужен. Он-то и рискнет ее выбрать – полагала она.

И находились такие: неприметные щуплые голубоглазые белокожие блондины среднего роста, очень неуверенные в себе, стеснительные и смешливые. Им-то Валерия и была словно сиропом намазана, они-то и слетались к ней, будто пчелы на мед.

Разумеется, и Валерии хорошо с ними было, но лишь вдали от людских глаз: там, где никто не мог видеть карикатурности их дуэта. О том, что она выше своего избранника ростом, Валерия не забывала ни на секунду и переживала...

В конце концов переживания съедали любовь, коротышка исчезал из ее жизни и... вскоре появлялся новый: неприметный щуплый голубоглазый белокожий блондин среднего роста, жутко неуверенный в себе, стеснительный и смешливый.

Елизавета Крылова ужасно злилась. Она была нацелена на карьеру и отношения с мужчинами причисляла к развлечениям, приятным и полезным.

– Чего ты хочешь? – время от времени спрашивала она подругу.

Валерия отвечала:

– Выйти замуж по любви. По большой любви. Хочу рожать и растить детей, быть заботливой матерью и верной женой. – Подумав, она добавляла: – И чтобы муж был значительно выше меня.

Елизавета закатывала глаза, хваталась за голову и долго-долго Валерию убеждала, что она безбожно от жизни отстала.

– Тебе нужен баскетболист, – утомившись, заключала Елизавета.

– Нет, мне нужен муж, – не соглашалась Валерия и добавляла: – Верный.

Елизавета крутила пальцем у виска.

– Раз для тебя смысл жизни в замужестве, – сокрушенно вздыхала она, – тем более займись карьерой. Не на улице же мужа искать.

В конце концов Валерия последовала ее совету, и начались долгие поиски призвания. На каком только поприсе не пробовала себя Валерия под неусыпным оком подружки...

Все безуспешно.

Отчаявшись, Елизавета подняла на ноги все свои «развлечения», а «развлечения» ее (по странному стечению обстоятельств) были не только богаты, но и влиятельны. Некоторые даже очень влиятельны. И, как это ни удивительно, все они необычайно серьезно относились к Елизавете: не забывали о ней в женские и новогодние праздники, утешали в неприятностях и готовы были выполнять любые ее поручения. И даже капризы.

– Хочу срочно выдать замуж подругу, – всем своим поклонникам (и действующим, и будущим, и бывшим) заявила Елизавета.

И карусель закрутилась: начались поиски жениха.

Мигом заработали не самые худшие отечественные умы, и быстро нашлась фирма, готовая оплатить поездку Валерии в Лондон. В очень престижную школу телохранителей.

Там она добросовестно обучалась по новейшим методам и через два года приобрела профессиональные навыки и диплом, с которым имела шансы трудоустроиться в любой точке земного шара, но... не смогла найти работу даже в России.

Однако, не стоит забегать вперед.

Глава 2

Отправляя подругу за границу, Елизавета больше надеялась не на диплом, а на приличную партию для Валерии. Елизавета уповала на то, что уж во всей-то Англии сыщется преуспевающий джентельмен, утомленный сухопарыми леди и потому способный оценить прелести русской дородной б...и. (Всех красавиц Елизавета называла именно так, не делая исключения и для подруги, которую, сравнивая с собой, неизменно считала красавицей.) Елизавета сильно рассчитывала, что этот потенциальный джентельмен сможет убедить несчастную Валерию в том, что она действительно «просто блеск», а не тот бесформенный и бесконечно огромный кусок мяса, каким бедняжка себя считала.

Но... и в Англии Валерию подстерегали неприметные щуплые голубоглазые белокожие блондины среднего роста, стеснительные и смешливые – благо, там такого добра пруд пруди.

Елизавета мириться с этим никак не хотела. В ее жизни было две цели, к которым она упрямо стремилась, как фанат-альпинист к вершине Эвереста. Елизавета мечтала сделать головокружительную карьеру и выдать замуж Валерию.

Сама же Валерия столь высоких целей не ставила и смутно себе представляла чего бы она хотела, забираясь в дождливую Англию.

Угнетенная своим предполагаемым уродством, Валерия вообще была в желаниях вяла и безынициативна. Порой, вопреки своей женской сущности, она и вовсе не имела сильных желаний. Во всяком случае ей так казалось. Так нищий отказывается мечтать потому, что бесплодность мечты ранит его истощенную горем душу. Одному богу известно как поведет себя тот же нищий, внезапно разбогатев.

Пребывая в худшем из состояний того самого нищего, Валерия уже готова была смириться с очередным блондином, и тут «поперло»!

Поперло!

Иначе не скажешь, потому что везение началось фантастическое. Поперло по всем статьям – и в любви, и в карьере.

И все это – в Англии.

Следовательно, благодаря Елизавете.

Елизавета торжествовала. Валерия тоже была счастлива. Некоторое время.

А случилось вот что. До получения диплома оставался месяц, когда Валерию для конфиденциальной беседы вызвал сам директор школы – школы самой лучшей в мире (в этом виде деятельности).

Валерия вошла в его кабинет ни жива ни мертва, даже на стул опустилась без обычной опаски, хотя, (после той злополучной лавочки) присаживаясь куда-либо, всегда получала легкий стресс. Сейчас же стресс достиг столь высокого уровня, что Валерии было не до мелочей. Парализованная страхом, она распахнула свои и без того огромные глаза, взирая на директора, как на Зевса, от скуки спустившегося с Олимпа.

Но почему ему понадобилась она, Валерия, серая унылая личность, урод?

– Вы показали себя как талантливая и усердная ученица, – сказал директор.

Сердце Валерии часто забилося.

– А потому я решил включить вас в список претенденток на выгодное и престижное место. Мы получили заявку от самого господина Дорофа. Майкла Дорофа.

Заметив, что для Валерии это громкое имя – звук пустой, директор пояснил:

– Господин Дороф – крупный американский промышленник. В этом году он вошел в десятку самых богатых людей планеты.

Можно представить, что случилось с бедной Валерией. Услышав это, она попятилась вместе со стулом. Стул, кстати, слегка закрипел. Валерия – тоже, сдавленно (совсем не своим голосом) спросив:

– А почему я?

Директор важно ответил:

– Дело в том, что господин Дороф ваш соотечественник. Его предки выходцы из России, поэтому мы и решили послать на конкурс именно вас. Вы в нашей школе единственная курсантка из России.

Валерия и стул попятнулись опять. Конкурс! Страшное! очень страшное для Валерии слово.

Директор хорошо знал своих курсантов. С ними работали отличные психоаналитики. Исследовались все тайники душ. Результаты исследований регулярно докладывались директору, поэтому он разгадал страхи Валерии и решил ее приободрить.

– Поскольку от нашей школы вы – единственная, – сказал директор, – то все шансы только у вас. Остальные частные школы на рынке труда столь высоко не котируются.

«Боже! Это провал! Я его подведу! Уроню честь школы!» – подумала Валерия и, охваченная ужасом, снова попятилась вместе со стулом.

Стул закрипел сильнее.

Директор симпатизировал этой, немного смешной девице. Видя ее состояние и желая беднягу слегка ободрить, он бросился перечислять достоинства, действительно имеющиеся у Валерии.

– У вас самые высокие баллы по всем дисциплинам. Вы сильная, зоркая, быстрая, – вдохновенно вещал директор.

В ее же висках стучало: «Подведу! Не пройду! Опозорюсь!»

Валерия пятилась – стул скрипел. Директор продолжил с напором:

– Вы блестяще знаете все виды оружия, лучше всех показали себя в стрельбе, прекрасно овладели психологией объекта, у вас потрясающая интуиция, вам лучше других удастся физическое прикрытие, вы самая сообразительная, самая ловкая...

Здесь не выдержал даже английский стул – Валерия рухнула на пол, и директор школы, этот, воспитанный на мистере Бине джентельмен, самым неприличным образом закатился: то есть, громко заржал.

Позор! Позор! Позор!

На следующий день еле живая от страха Валерия отправилась на конкурс.

«Разбей параличом каждого, кто предложит мне сесть», – молила она бога.

Глава 3

В школе преподавали психологию, классический психоанализ Фрейда, аналитическую психологию Юнга, индивидуальную психологию Адлера, гуманистическую психологию Маслоу, гештальт-подход Перлза, трансактный анализ Берна, социально-психологические теории Эриксона, Фромма, Хорни и Салливана, феноменологическое направление Роджерса, а так же идеи Кутера, Кохута, Балинта, Кэхеле, Томэ...

Все это Валерия жадно поглощала, примеряя на себя и болезненно копаясь в своей душе, израненной частыми падениями со скамеек. Естественно, что к концу столь усердного обучения она знала про себя все: что надобно и что не надобно.

Теперь ей было ведомо, что у нее низкая самооценка. Что как женщину она не ставит себя и в грош. Что ее внутренний строгий Родитель часто бьет ее горемычное и талантливое Дитя, энергией которого же и питается, а вялый бездеятельный Взрослый на все это взирает уныло и безучастно, потому как сильно недоразвит – следствие чрезмерно строгого воспитания. Мамаша Валерии была деспотом.

Но это еще не все. Валерия обнаружила у себя довольно-таки приличный комплекс Антигоны, поскольку обожала своего отца. Имелся и слабенький комплекс Дианы...

Впрочем, может и не слабенький – порой Валерия просто мечтала превратиться в мужчину. И тогда у нее появлялся комплекс Ореста. Причем, вопреки комплексу Ореста, Валерии, иногда, хотелось убить свою мать вполне осознанно – так сильно та портила ей жизнь. Комплекс Электры, естественно, тоже имелся – а куда ж ему деться при такой любви к отцу и ненависти к матери.

Теперь-то Валерия поняла, что именно ненависть приобрела форму дочерней любви и беспрекословного послушания.

Но это еще не все. К пышному букету своих комплексов Валерия, не задумываясь, добавила комплекс неполноценности и комплекс полноценности – причем сразу оба. Так же, она обнаружила у себя ряд неизлечимых неврозов и бесконечное количество акцентуаций и еще много чего, о чем лучше и не поминать ближе к ночи и даже по утру.

Теперь Валерия знала, что необходимо пересмотреть устарелые нормы своего жития, отбросить их как малоадаптивные и...

Что дальше?

Отреагирование комплекса Электры в системе классического психоанализа, разрушение внутреннего Родителя в системе трансактного анализа, «переваривание» интроекта в системе гештальттерапии, блокирование малоадаптивных мыслей в системе когнитивной терапии и т. д. и т. п.

Короче, надо очень и очень над собой работать, не страшась никаких психоаналитических наворотов и психотерапевтических приемов. Если удастся избавиться от комплексов и вредных психологических защит, уверена была Валерия, то неприметные щуплые голубоглазые белокожие блондины среднего роста, стеснительные и смешливые, канут в лету.

Они уйдут, скроются, убегут...

Им на смену придет высокий сильный, уверенный в себе брюнет. Он мгновенно станет ей верным мужем и заботливым отцом их будущих чад.

Ради этого стоит над собой поработать, не правда ли?

И Валерия работала.

Ох, как она работала над собой!

...

Но меньше ростом не становилась.

Сутулость, правда, ушла. С ее уходом огромный кусок мяса (ее тело) приобрел формы: появились талия и грудь, исчез живот, легче стала походка, но...

Чувство уверенности не приходило. Валерия по-прежнему считала себя уродиной и пораженкой, легкой добычей неприметных шуплых голубоглазых белокожих блондинов среднего роста, стеснительных и смешливых – черт их всех раздери!

Валерия так и не смогла снять тот тяжеленный крест, который с помощью любящей матери однажды поставила на себе. Она точно знала что до самой могилы ее ждет несчастливая женская доля. Все, что возможно в этой жизни, она проиграет, утратит и не найдет...

Исходя из всего этого, можно представить с каким настроением она отправилась на конкурс. Легкой летящей походкой, дерзко выступая красивой грудью и соблазнительно покачивая стройными бедрами на конкурс шагала кусок, все тот же огромный кусок мяса и ничего поделывать с этим Валерия не могла.

Так она себя ощущала, вопреки реальности, объективности, действительности и т. д. и т. п.

Однако, как директор школы и предполагал, Валерия легко обошла своих конкуренток.

Правда, узнала она об этом позже, когда неделя напряженнейшей борьбы в тире, на тотеме и в бассейне увенчалась встречей с личным представителем господина Дорофа – мистером Кляйстом.

Мистер Кляйст подошел к своему делу очень серьезно. Их беседа была на удивление продолжительной и многотемной. Каких только вопросов от него не услышала Валерия. Бедняга бледнела, краснела и диву давалась.

С непередаваемым облегчением вздохнула она, когда мистер Кляйст (весьма пожилой) утомился, белоснежным платочком смахнул пот со лба и поднялся, протягивая на прощание свою холодную руку.

– Поздравляю вас с победой, – сияя фальшивой американской улыбкой, сказал он. – После получения диплома вы – в числе трех претенденток на место личного телохранителя – приглашаетесь на собеседование с самим господином Дорофом. Последнее слово в выборе кадров может сказать только он.

Валерия окончательно поняла, что проиграла конкурс и терять ей больше нечего. Изрядно потрепанные бесплодной борьбой нервы сдали, чему Валерия была даже рада, так сильно не понравился ей этот старый Кляйст.

– Три претендентки?! Так с какой же победой вы тут меня поздравляете? – возмутилась она. – Вы что, издеваетесь? Почему вы решили, что буржуй выберет с дуру меня? Ха! Три претендентки! Красотки, думаю, еще те! Нужна я ему, как зайцу триппер, этому вашему Дорофу, будь он неладен!

Манерный и благовоспитанный мистер Кляйст остоленел, чем сильнее распалил Валерию.

– Сам-то он, наверное, урод еще тот, вот и подыскивает себе цыпочек, – рискованно высказалась она насчет Дорофа. – Так знайте: мне все равно! Не хотите меня, так и не надо! Сказали бы сразу! Мучать зачем? Издеваться над собой не позволю! И нечего на меня тарашиться! Что, правда колет глаза?

И так далее и тому подобное... Путая английский и русский Валерия долго митинговала – Кляйст-то молчал, огорошенный.

В конце вдохновенной речи, разумеется, под Валерией поломался стул. Он просто не мог не поломаться, так сильно в пылу обиды ерзала и подпрыгивала она. Стул подкосило – Валерия, злая на весь белый свет, упала, вскочила и, сжав кулаки, грозно уставилась на застывшего Кляйста.

«Выдать бы тебе, – говорило ее лицо. – Выдать бы так, чтобы мало не показалось! Выдать за все унижения жизни! Унылой и бесполезной! Старый ты хам!»

Да-да, она готова была его поколотить – пожилого чинного Кляйста.

Однако, он странно себя повел. После бесцеремонной речи Валерии он опешил, конечно, и рассердился, но после ее падения смягчился, позволив себе рассмеяться лишь мысленно.

– Вы зря так нервничаете, – мягко сказал добрый Кляйст. – Господин Дороф совсем не урод. Он очень симпатичный мужчина. Он молод, образован, умен. Он тонкий ценитель хорошей беседы, и потом я абсолютно уверен, что господин Дороф выберет именно вас.

Простодушная Валерия, не заметив иронии, мгновенно утратила гнев и растерялась. Ей уже было стыдно за свою откровенную речь.

– Вы так думаете? – не своим, осевшим голосом прошипела она.

– Ваши шансы весьма велики, – серьезно заверил Кляйст. – После получения диплома вы можете смело отправляться в отпуск. Одна лишь просьба: пожалуйста, сообщите мне свой адрес.

– Зачем? – все еще пребывая в растерянности, спросила Валерия.

– Я должен вызвать вас на собеседование с господином Дорофом. В данном случае, собеседование чистая формальность. Уверен, господин Дороф выберет вас, но я вызову и ваших конкуренток, так что не пугайтесь. Вижу, вы очень не любите конкуренции, – с добрейшей улыбкой заметил Кляйст.

«А кто ее любит?» – подумала Валерия, но промолчала.

Или вид у нее был предельно жалкий или опытный Кляйст умел углядеть настоящее в душах несчастных дев, но он проникся такой симпатией к хулиганке-Валерии, что признался:

– На месте Дорофа я выбрал бы вас уже за один только темперамент.

Пока Валерия столбенела, не веря своим ушам, он продолжил:

– Выбрал бы сразу, без всякого конкурса.

– Но почему? Почему? – наконец изумилась она.

– Потому, что вы больше всех подходите на это место. В вас прекрасно сочетаются женское изящество и необходимая сила. Вас легче всех остальных выдать за секретаря-референта, и вместе с тем в нужный момент вы быстрее всех реагировали на опасность. Ваша интуиция просто потрясает, а вашему умению владеть оружием позавидовал бы и бывалый снайпер. И потом, не каждая девушка может легко развалить своим грациозным телом добротный английский стул. Это победа. Ваша победа. Уже окончательная.

Валерия, вытянув шею вперед, пылливо всматривалась в морщинистое и все же холеное лицо мистера Кляйста.

«Не шутит ли он? Не издевается ли? Не хочет ли просто обидеть?» – спрашивал занудистый Родитель.

«Врежь ему, врежь!» – советовало ранимое Дитя.

«Ты действительно стреляла лучше всех, и быстрее всех реагировала на опасность. Так стоит ли удивляться его похвалам, пусть даже и саркастичным?» – недоумевал Взрослый.

– Спасибо, – сказала Валерия, внутренне торжествуя победу своего недоразвитого Взрослого.

– Не стоит, – усмехнулся представитель. – Вы действительно лучшая, но есть и другая причина, по которой господин Дороф, я абсолютно уверен, выберет вас.

Валерия напряглась:

– Какая же?

– Из всех конкурсанток вы единственная русская не эмигрантка, а из самой России. Ваши конкурентки из семей эмигрантов второго и третьего поколения. По-русски они разговаривают с акцентом, господин же Дороф гордится своим отличным произношением. Он боится испортить свой русский. Понимаете, когда нет приличной практики и все время слышишь английскую речь, то неизбежно появляется акцент, он же этого принципиально не хочет.

– Но телохранитель не массовик затейник, – из вредности возразила Валерия. – Он обязан охранять, а не развлекать.

– Но господин Дороф много времени проводит в дороге. Кроме вас, ему не с кем будет поговорить. Поэтому я уверен, он выберет вас. Вы прекрасный профессионал, и у вас чистый русский.

Услышав это, Валерия помрачнела.

«Это не моя победа, а победа обстоятельств, – решила она. – Обстоятельства всего лишь удачно сложились, поэтому я первая».

Если человеку надобно проигрывать, если человек к этому привык, он будет видеть поражение даже в своем триумфе. Валерия была безутешна.

Мистер Кляйст, удивленный такой неожиданной переменой настроения, спросил:

– Что вас не устраивает?

– Все устраивает, – солгала она.

– Кстати, по ранее указанной причине вы можете рассчитывать на доплату к тем десяти тысячам долларов, что положено вам получать. Впрочем, все будет зависеть только от вас. Думаю, господину Дорофу вы понравитесь, и он захочет вас щедро вознаградить.

Валерия мысленно жевала свое поражение, и не понимая сказанного, механически ответила:

– Да-да, спасибо.

– Что ж, желаю вам всего хорошего. Не забудьте оставить ваш адрес моему секретарю. Месяца через три я вызову вас на собеседование с господином Дорофом, после чего вы подпишете договор, – мистер Кляйст ослепил ее новой улыбкой. На этот раз искренней.

Растерянная Валерия вышла на улицу и грустно побрела, хаотично натываясь на прохожих.

«Так значит я не победила, – рассеянно думала она. – Значит, я просто русская. И все. Почему – все? – тут же возразила она себе. – Я овладела редкой для женщины профессией, скоро экзамены сдам, получу диплом...

Но на работу меня взяли не потому, что я самая лучшая...

Кстати, сколько мне будут платить?» – наконец-таки озадачилась она.

И тут до Валерии дошло то, что сказал мистер Кляйст: десять тысяч долларов.

«Бешеные деньги! Но за какой срок? За год? Или за квартал?»

Валерия, расталкивая прохожих, вихрем понеслась обратно, ворвалась в кабинет мистера Кляйста, смущаясь, закричала:

– Простите, забыла спросить, десять тысяч долларов за какой срок? За год или за квартал?

Старик удивился.

– В неделю, – ответил он.

– За неделю?!?! Даже не верю ушам!

– Ну да, ваше жалованье десять тысяч долларов в неделю.

– Ой! От радости ноги у меня подкосились! Можно я вас поцелую? – закричала Валерия и, не дожидаясь ответа, поцеловала, чему мистер Кляйст совсем не был рад.

На этот раз она покидала офис в очень приподнятом настроении. Нет, она не праздновала победу, просто обещанное вознаграждение примирило ее с мнимым поражением.

«Вот это мне повезло! – с восторгом думала Валерия, бодро шагая по Лондону. – Лизка мне не поверит. Да и как поверить такому? Десять тысяч долларов в неделю! Я же просто Крез!»

Неожиданно у Валерии появились мечты, она сразу в них унеслась – в бесконечное пространство воздушных замков.

«Но разве можно такие деньги потратить? – вдруг разволновалась она. – Придется очень мне стараться. С чего же начну? Первым делом куплю сапоги. Длинные. Выше колен. Такие как у Лизки.

Потом...

А не пойти ли мне в кафе?

Нет, лучше пойду в ресторан.

Нет, пока в кафе, я же еще и цента не получила. Зато в честь праздника съем десять пирожных...

Нет, ограничусь тремя.

И впридачу к ним сливочно-вишневый коктейль».

Глава 4

И Валерия отправилась в кафе.

Улыбка не сходила с ее лица. Десять тысяч долларов! В неделю! Как тут не улыбаться? И пять пирожных на столе! (Валерия все же решила съесть пять). И два сливочных коктейля.

– Сегодня у вас хорошее настроение? – вдруг раздалось за ее спиной.

Низкий, очень низкий мужской голос с приятной хрипотцой – его английский с легким восточным акцентом.

Валерия оглянулась и обмерла. Перед ней стоял высокий сильный, явно уверенный в себе брюнет.

Но какими глазами он смотрел на нее!

– Да, у меня хорошее настроение, – смущенно улыбнулась Валерия. – А что, это заметно?

– Очень сильно, – кивнул брюнет. – Я каждый день по пятам за вами хожу, но познакомиться решился только сейчас – такое сердитое обычно у вас лицо. Сегодня же вы похожи на второй месяц весны.

Сердце Валерии заколотилось, она не в силах была поверить своим ушам:

– Вы каждый день ходите за мной? Это правда?

– Истина.

– Но почему?

На лице брюнета отразилась мука:

– Во всем виноваты ваши голубые глаза. Как увидел их, так сразу понял: погиб. Делайте со мной что хотите, только не гоните, Валерия.

«Йе-ес! – мысленно воскликнула Валерия. – Я добилась! Добилась своего! Я себя переделала! Перекроила! Помогли бассейны, диеты, Фрейд, Юнг, Адлер и старина Маслоу! Мною уже восхищается настоящий брюнет! Супермен! Все, тью-тью недотепы! Я вам говорю: прощай! Голубоглазые блондины больше никогда не встанут на моем пути!»

Незнакомый брюнет смотрел на нее с грустной и преданной нежностью – он казался ей бесконечно родным.

– Валерия, ты меня не прогонишь?

– Я?!!

«Нет, ну если поперло, так поперло! – с приятным головокружением восхитилась она. – И деньги и брюнет! Мама родная, сейчас помру!»

Но она не померла. Этим же вечером счастливая Валерия звонила подруге в Москву.

– Лиза! Лиза! Его зовут Эркэн! Он, правда, турок, но зато брюнет! Разве это не удивительно?

– Поразительное совпадение, – с меланхоличным сарказмом согласилась Лиза. – Действительно, брюнеты в Турции редкость.

– Он так красив! Передать тебе не могу! И на голову выше меня, но при этом совсем не баскетболист! Все как ты хотела!

– Я хотела?!

Елизавета опешила, но долго пребывать в изумлении Валерия ей не позволила.

– И к тому же я буду получать десять тысяч долларов! – сообщила она, после чего Елизавета окончательно ожила и с восторгом завопила:

– Лерка! Ку-куру-куку! Ты? Десять косых? Баксов? Я сейчас упаду!

– Лиза, он такой нежный! Такой бесподобный и ласковый!

– Десять штук! Зелени! Поверить, блин, не могу! Лерка, надеюсь, в месяц?

– В неделю. Лиза! Лиза, у него такие ласковые, ласковые глаза! А руки! Руки мягкие, как у ребенка! Лиза! Лиза! Лиза-Лиза!

– Десять тонн капусты! Не-ве-роятно! Лера, это точно в неделю? Бог мой! У нас столько ку-куру-куку в неделю не всякий чиновник, блин, уворует!

– Лиза! Он хочет, чтобы я переехала из общежития! Лиза-Лиза! Он сам готов за квартиру платить!

– Пусть платит!

– Лиза, здесь это ужасно дорого!

Уложив информацию, Елизавета не на шутку разволновалась:

– Лера! Ты вообще уверена, что выиграла конкурс? Это просто ку-куру-куку! Удивительно просто! Когда ты приступишь к работе? Бог мой, десять тонн капусты в неделю за правильную русскую речь! Уму непостижимо! Сколько же, тогда, заплатили бы мне? Мне! Нет, надо ехать в Англию! Чувствую, здесь я даром время теряю!

А Валерия гнула свое:

– Лиза, он до беспамятства влюбился и мечтает, чтобы мы поженились!

– Что-ooo! – взревела Елизавета. – Переться в Англию, чтобы выйти замуж за турка? Не терпится затурканных русских чад нарожать? Их в Москве и без тебя хватает. Лера, я тебя умоляю, возьми себя в руки и никаких ку-куру-куку! Поступай только правильно!

– Я слишком правильная, чтобы поступать правильно, – отрезала Валерия.

– Ну хотя бы обещай мне, что потерпишь до отпуска, – взмолилась Елизавета.

– Хорошо, это я обещаю. Через два месяца получу диплом и с Эрканом приеду в Москву. Посмотришь сама. Он так красив! Лиза-Лиза! Уверена, как увидишь его, так в обморок и упадешь.

– Этого и я боюсь, – промямлила Елизавета. – Настоящий, блин, ку-куру-куку!

Два месяца пролетели незаметно. Валерия была счастлива. Все реже и реже она звонила подруге. Потом и вовсе звонить перестала. Теперь Елизавета ее доставала сама, в основном сердилась.

– Я так счастлива! Так счастлива! – твердила Валерия.

– Это просто ку-куру-куку какой-то! – возмущалась Елизавета. – С тобой невозможно ни о чем говорить. Заладила одно и то же, словно сошла с ума.

– Сошла! Сошла!

– Да уж слышу. Ерундой не занимайся, а лучше скажи, как сдаешь экзамены? Из-за этой любви, боюсь, все прахом пойдет.

– Нет-нет, экзамены я роскошно сдаю. Меня контролирует сам Эркан.

– Хоть какая-то польза от турка, – ворчала Елизавета.

– Лиза! Лиза! Я счастлива! Счастлива!

– Он хочет тебя закабалить!

– Он такой заботливый!

– Это не главное, блин, в мужчине!

– У него есть все!

– Значит нет ничего!

И вот сданы последние экзамены, и вот наступил день отъезда. Утром Эркан ушел по своим делам и вернулся грустный.

– Я купил только тебе, – сказал он, протягивая Валерии один билет. – Рейс через шесть часов.

Она испугалась:

– Что случилось?

– Любимая, я лететь с тобой не могу. Извини, так сложились обстоятельства.

Увидев слезы в ее глазах, он поспешил добавить:

– Но через неделю я прилечу. Клянусь. Ты меня встретишь?

– Через неделю? Так скоро? Тогда я лучше тебя подожду. Эркан, беги, скорей сдай билет. Я остаюсь.

Он покачал головой:

– Нет, не стоит. Если ты останешься, я не управлюсь и за две недели. Отправляйся сегодня.

Валерия растерялась, собираясь настаивать, но все решил звонок Елизаветы.

– Когда вылетаете? – бодро спросила она. – Когда вас встречать?

Валерия поделилась с подругой сомнениями.

– Что за глупости? – рассердилась Елизавета. – Будешь сидеть сторожить своего турка? Ничего, за неделю без него не умрешь. Кстати, о матери ты подумала? Она уже сто раз мне звонила, напекла твоих пирогов любимых, считай, уже накрывает на стол. Короче, я соскучилась, и шампанское уже в холодильнике. Не вздумай оставаться. Слышишь? Вылетай одна!

Эркан застыл с чемоданом в руках, словно ожидая команды. Валерия кивнула, он скрылся в спальне.

– Успокойся, – сказала она, – он уже укладывает мои вещи. Ах, Лиза, он заботливый такой.

– Значит хочет тебя закабалить! – сделала вывод умудренная опытом Елизавета.

И вот, обещание подруге дано, вещи Валерии тщательно уложены в чемоданы...

– Пора прощаться, – сказал Эркан, закрывая последнюю сумку и щелкая язычком замка.

Прощались долго. Прощались нежно. Прощались страстно.

– Всего на неделю, – ласково шептал он. – Любимая, всего на семь дней, а может и на три, если раньше управлюсь. Я постараюсь, я позвоню.

– Милый, пожалуйста, звони часто, каждый день звони, – просила Валерия, глотая соленые слезы.

– Каждый день? – пугался он. – Так редко? Я не выдержу. Минимум три раза в день буду звонить.

И снова прощались.

Прощались. Прощались... Про все на свете забыв. Первым опомнился Эркан.

– Черт! – крикнул он, глянув на часы. – Я опаздываю! Даже не успеваю тебя проводить! Как нехорошо получилось!

– Милый, не волнуйся, доберусь сама, – успокоила его Валерия.

– Да? Тогда давай быстрее одеваться. Хоть на такси тебя посажу.

Простились прямо на дороге. Он нежно целовал ее в губы. Таксист их не торопил.

– Милый, позвонишь?

– Много, много буду звонить. Как только прилетишь, сразу позвоню. И потом еще, и еще. Я люблю тебя, люблю!

– Правда?

– Всю жизнь буду любить!

И снова прощались. Слишком долго, Валерия за малым не опоздала. Второпях сдав вещи в багаж, сломя голову помчалась на досмотр. Она уже вошла в салон самолета, уже уселась в свое кресло, когда стюардесса вдруг подошла к ней и вежливо спросила:

– Не могли бы вы проследовать за мной?

– А что случилось? – насторожилась Валерия.

– Сейчас узнаете.

У дверей ее ждала охрана аэропорта и люди в штатском. На Валерию вежливо надели наручники.

– В чем дело? По какому праву? – оскорбленно закричала она.

– Весьма сожалеем, но в вашем багаже найдена бомба, – учтиво объяснили ей и поинтересовались: – Вы сами упаковывали вещи?

- Бомба?!! – обмерла Валерия и с негодованием затараторила: – Какая бомба? Багаж упаковывал мой жених! Никакой бомбы там быть не может!
- Может, – спокойно ответили ей. – Сейчас убедитесь сами.

Глава 5

Инцидент удалось замять.

Валерия, можно сказать, вышла сухой из воды. В основном стараниями директора школы. Он был случившимся сражен и примчался мгновенно, как только узнал о ЧП. С ним прибыли юристы (изрядная толпа) и кипа документов, доказывающих прилежность и добропорядочность Валерии. Директор имел обширные связи, которыми тут же и воспользовался, чтобы смыть со своей знаменитой школы грязное пятно. Слыханное ли дело: его бывшая курсантка – террористка!

Впрочем, тут же выяснилось, что она всего лишь несчастная доверчивая жертва известного террориста Эркана Эрдогана, который оказался не турком, а курдом. Спасло Валерию то, что он действовал по своей старой и хорошо известной спецслужбам схеме: пользуясь неотразимой внешностью, он подыскивал глупышек, которые (чаще невольно) и выполняли его преступные замыслы.

Короче, то, что для Валерии было любовью и безграничным счастьем, для Эркана являлось всего лишь хладнокровной подготовкой к операции. Два месяца нежнейших отношений, пылких признаний и клятв – это все для того, чтобы иметь возможность упаковать самодельную бомбу в чемодан Валерии.

Это был крах! Крах всем мечтам и надеждам!

Естественно, ни о каком Дорофе не могло быть и речи. Валерия показала себя как легкомысленная, доверчивая особа, напроць лишённая интуиции и бдительности. Свойства, мягко говоря, лишние для телохранителя.

Скандал замяли, но директор школы вынужден был написать отказ личному представителю господина Дорофа. В качестве мотива он, не поминая Эркана, выдвинул недостаточную подготовку своей курсантки.

«Вследствие низкого профессионального уровня, школа не может дать свои рекомендации,» – заключил он свое послание мистеру Кляйсту.

Валерии директор выразил сочувствие. Это единственное, что он мог для нее сделать.

Мечта всей жизни – высокий сильный уверенный в себе брюнет нанес коварный удар. Он уничтожил Валерию.

В Москву она летела с неприметным шуплым голубоглазым белокожим блондином среднего роста, жутко неуверенным в себе, застенчивым и смешливым.

– Моя фамилия Французский, – с виноватым смешком представился он. – Анатолий Французский. Можно, просто Толя.

Валерия поняла, что ей никуда от блондина не деться.

Поняла и решила с собой бороться, а потому сердито отвернулась, но он не отставал. И вскоре Валерия поведала ему о своих приключениях. Он сочувствовал и вздыхал, а когда она пожаловалась, что два года усерднейших занятий пошли псу под хвост, то испуганно схватился за голову. Когда же он узнал какого места и жалования лишилась Валерия, то едва не проследил. Расстроился сильно, так долго и искренне переживал, что в конце концов Валерия не выдержала и его пожалела.

– Ничего, зато теперь мне будет наука, – успокоила она его.

– Лерочка, знаешь, что такое жизнь? – трагично спросил Французский.

– Что?

– Жизнь, это накопление опыта путем постепенной утраты всего.

Валерия боролась с собой, но ее Дитя им восхитилось. Ее Дитя так потянулось к этому шуплому голубоглазому блондину, что она почти сдалась.

Французский тоже тянулся к Валерии. В основном руками. Все возвращалось на круги...

«Опять блондины?» – ужаснулась Валерия.

В конце концов она разозлилась, призвала на помощь своего Взрослого, Взрослый обратился за помощью к Родителю, вдвоем они отчитали ее Дитя, да заодно и смущенного Французского. На том Валерия с ним и рассталась.

К радости Елизаветы, которая страшно разволновалась, заведя в аэропорту белобрысого голубоглазого заморыша, бегущего с чемоданами за стремительно шагающей Валерией. Оказалось, что чемоданы принадлежат совсем не блондину. Заметив Елизавету, Валерия вырвала их из рук белобрысика, гаркнула:

– Что вы ко мне пристали? – и поспешила к подруге.

Французский остолбенел.

О нем мгновенно забыли.

– Лиза-аа, – не сдерживаясь, разрыдалась Валерия, пристраивая свою растрепанную путешествием голову на тощей груди Елизаветы.

Вследствие значительной разницы в росте подруг это было совсем не просто, но Валерия была упряма. Лиза – тоже, поэтому она приподнималась на цыпочки и старательно выпячивала грудь колесом, поглаживая наманикюренными пальчиками, а заодно и причесывая голову Валерии.

– Лиза-ааа! Опя-ять обло-оом! Ох, какой на этот раз обло-оом! – размазывая по лицу тушь, рыдала Валерия. – Я опять безработная-аяя!

– Ничего-ничего, – успокаивала ее подруга. – Прорвемся. Мы еще такой ку-куру-куку им покажем, вся Англия зарыдает.

Что имела ввиду Елизавета до сих пор неизвестно, но Валерии стало значительно легче. Она уже без слез поведала о страданиях-переживаниях, для которых причин было предостаточно. Ведь теперь из-за бомбы она не найдет работы даже в России, и, главное, она любит! любит мерзавца-Эркана и ждет от него звонка.

Елизавета запаниковала.

– В своем ли ты уме, Лерка? Совсем что ли ку-куру-куку? – покрутила она у виска пальцем. – Если он, этот шакал, позвонит, тебя не только не возьмут на работу, но и посадят.

– За что?

– Тогда уж точно подумают, что и ты террористка, а террористов в Москве теперь больше СПИДа боятся. Нет, даже думать об этом брюнете не смей!

– Но он любит меня!

– Любит? Ха! Только в том случае, если у него осталась еще одна непристроенная бомба, – заверила Елизавета и с надеждой добавила: – Но этот гад не позвонит и слава богу.

Эркан действительно не позвонил, а Валерия вопреки всему ждала и тосковала...

Вскоре она прочитала о нем в газете. Там писалось, что разыскивается известный террорист, скрывающийся под разными именами, в числе которых числится и Эркан Эрдоган. Более того, она увидела его портрет, составленный с ее же слов в Лондоне. На этом портрете Эркан был так не похож на себя, что Валерия испугалась.

«Я же нарочно ввела в заблуждение полицейских, – прозрела она. – По этому портрету его никогда не найдут, но не этого ли я хотела?»

Она поняла, что, составляя тот непохожий портрет, все еще надеялась связать свою судьбу с Эрканом, кем бы он ни был, хоть преступником, хоть террористом. Валерия верила, что он любит ее, а бомба это всего лишь недоразумение. Он не может быть плохим, его детскую улыбку, его ямочки на щеках, его задорно сморщенный нос она помнила и любила.

В тот же день она позвонила в Лондон директору школы. Несмотря на неприятности, связанные с Валерией, тот был рад ее слышать. Они тепло и по-дружески поговорили. Директор сделал вид, что не понял истинной причины ее звонка, однако вскользь сообщил, что человек, известный ей под именем Эркан Эрдоган, по-прежнему разыскивается полицией.

– Валерия, если вы вспомните какие-то подробности о нем или где-то случайно его увидите, обязательно информируйте ИНТЕРПОЛ, – посоветовал директор.

– Да, конечно, обязательно, – согласилась она, не собираясь этого делать.

Судя по всему, директор угадал ее настроение. Выдержав паузу, он твердо сказал:

– Валерия, это в ваших интересах.

– Что именно? – удивилась она.

– Чтобы Эрдоган был найден как можно скорей. Не хочу вас пугать, но вы единственный человек, знающий его в лицо. Просто чудо, что вы еще живы. Обычно он сразу устраняет всех свидетелей.

Любой, услышав подобное, испытал бы шок. Любой, но не Валерия. Даже после такого заявления она не испугалась, а только подумала: «Он меня не устранил. Лишнее доказательство, что Эркан меня любит».

Директор предвидел и такое заключение.

– Деточка, – сказал он, – не хочу вас огорчать, но Эрдоган жестокий и хладнокровный убийца. Он не способен на нормальные человеческие чувства.

– Если не способен, тогда почему он признавался мне в любви? – рассердилась Валерия. – Бомба – это случайность. Не мог Эркан знать, что я полечу в Москву да еще тем самолетом, который ему якобы захотелось взорвать. Не делайте, пожалуйста, из него отпетого злодея. Пускай он террорист, но и террорист способен влюбиться.

Директор горестно вздохнул и, поражаясь наивности Валерии, сообщил:

– К сожалению, все не так, как вы представляете. Каким-то образом он узнал, что конкурс выиграли именно вы. Эрдоган уже не раз покушался на Дорофа. Теперь, когда стало известно, что он готовил новое покушение, вам пора бы понять: вы случайно попали в зону интересов мерзавца...

Ей стало дурно:

– Хотите сказать, выиграй конкурс другая...

– Да-да, и все признания в любви достались бы ей. Эрдоган террорист, а не герой-любовник. Амуры для него всего лишь инструмент, которым он умело пользуется в борьбе с Дорофом. Милая Валерия, как вы не поймете, ваша встреча с Эрдоганом не была случайностью.

– Только что вы утверждали обратное: говорили, что я случайно попала в зону его интересов.

– Конечно, – уже несколько раздражаясь, подтвердил директор, – и ваш приезд в Англию, и участие в конкурсе – все это в некоторой степени случайности, но как раз они-то и повлекли за собой события, являющиеся для Эрдогана закономерностью. Этот человек не делает лишних ходов, все его действия подчинены строгой дисциплине. Не хочу быть жестоким, но, милая вы моя, подумайте сами, какая любовь? Через вас Эрдоган всего лишь подбирался к Дорофу.

Увы, это было слишком похоже на правду. Валерию словно ошпарили кипятком. Ей было больно, так больно... что не хотелось верить даже очевидному.

– Но как он мог через меня подобраться к Дорофу? – сквозь слезы спросила она. – Допустим, я неопытна в любви, но не круглая же я дура.

«Не круглая,» – мысленно отметил директор, но промолчал, Валерия же продолжила:

– Целых два года в вашей школе нас упрессовывали специальными знаниями, пичкали всевозможной информацией, и я старалась. Вы сами хвалили меня, говорили, что я лучшая ученица.

– Хвалил, – подтвердил директор.

– Так что же, я в дальнейшем не определила бы к кому именно Эркан проявляет интерес? Или вы думаете, что, пользуясь моими чувствами, он смог бы подбить меня на покушение?

Директор хотел возразить, но Валерия не позволила. Повысив голос, она заявила:

– Так знайте, пойми я откуда ветер дует, и все чувства разом исчезли бы. Я не идиотка. К тому же, телохранители такого высокого ранга подвергаются психокодированию. Вам известно лучше других, что я скорей сошла бы с ума, чем подняла бы руку на Дорофа. Наивно думать, что об этом не догадывался террорист-Эркан. Нет, ваша версия не выдерживает никакой критики.

– На вас он имел другие виды, – с очередным вздохом усталости ответил директор. – Дело в том, что невыявленный источник снабжает его террористическую организацию информацией о передвижениях Дорофа. Эрдоган завел с вами роман с одной лишь целью: с вашей косвенной помощью он хотел взорвать самолет, на котором должен был лететь Дороф. Он рассчитывал, что если вы полетите одним рейсом с Дорофом, ваши вещи, сданные вами в багаж, не будут подвергаться придирчивому досмотру. Вы же его телохранительница. Дороф обычно щедро платит служащим авиакомпании за особый досмотр багажа пассажиров. Укладывая бомбу в ваш чемодан, Эрдоган не учел одного: подкупленный им работник авиакомпании не сумел внести вас в список сопровождающих Дорофа. Только поэтому ваш багаж подвергся проверке на общих основаниях. В противном случае самолет взорвался бы, и вы вместе с ним.

Валерии стало дурно, но вида она не подала и даже язвительно спросила:

– Если за Дорофом так охотятся, то почему он не летает своим личным самолетом?

– Это еще опасней. Дороф летает по-разному и решения о выборе рейса принимает внезапно. Обычно билеты берутся в самый последний момент, порой за минуты до вылета. Разумеется, свои планы Дороф держит в строжайшем секрете.

– Откуда же Эркан узнал куда и когда закладывать бомбу?

Директор не имел ответа на этот вопрос. Валерия загорелась надеждой, но внезапно вспомнила, что, привязанная к Эркану, и сама точно не знала когда полетит в Москву. С неделю об этом то с Лизой, то с матерью шли неопределенные разговоры, а точную дату Эркан назначил неожиданно: утром сказал «летим», а через несколько часов вернулся с билетами...

Да нет, в том-то и дело, что не с билетами, а с одним билетом.

Кошки заскребли на душе Валерии. Ей нечем было крыть.

«Похоже, директор прав, – едва не лишаясь чувств, подумала она. – Бомбу нельзя считать недоразумением, ошибкой полиции. Эркан и не собирался лететь со мной. Если бы не он, я давно была бы дома. Он морочил мне голову, просил подождать, ссылаясь на свои дела, а я верила...»

Валерия разрыдалась.

Директор молчал. Он не знал, как ее успокоить, и поражался лишь одному: как Валерия, явно неглупая девушка, смогла уговорить себя не замечать очевидного?

– Эрдоган считает Дорофа своим кровником, – сказал он, мучительно желая прекратить этот бесполезный разговор. – Валерия, не хочу вас обижать недоверием, но если вы не все сказали, если знаете что-то еще, пожалуйста, сообщите в ИНТЕРПОЛ, пока не поздно. От этого зависит и ваша жизнь, не говоря уже о том, что Эрдоган поклялся на коране своей рукой уничтожить Майкла Дорофа.

Валерия оживилась:

– Вот видите, поклялся уничтожить своей рукой, а уничтожил бы моей, не найдись тогда в багаже проклятая бомба.

– Выходит, вещи вы собирали сами? – строго спросил директор.

Валерия сникла:

– Нет, упаковывал чемоданы Эркан.

– Значит клятвы своей он не нарушил: если бы не обнаружилась бомба, Дороф погиб бы именно от его руки. Послушайте меня, человека бывалого, недавно Эрдоган организовал покушение в Алжире, теперь вот эта бомба. Что еще? Вам не страшно, Валерия?

Она поймала себя на мысли, что не страшно. Подумаешь, умрет какой-то буржуй.

Разве это горе? Вот у нее горе так горе: осталась одна. И романа оказывается не было никакого с брюнетом...

– А почему Эркан хочет убить этого миллиардера? – спросила Валерия.

Директор замялся, но все же ответил:

– Толком не знает никто, кроме, разумеется, самого Эркана и Дорофа. Поговаривают, что якобы в свое время Дороф провел финансовую операцию, которая выявила денежные потоки террористов в американских банках. В результате брат Эркана погиб.

– И он поклялся отомстить. И мстит, рискуя своей жизнью?

– Да.

– Настоящий мужчина! – восхитилась Валерия.

Директор пришел в ужас, а она грустно подумала: «Жаль, из-за этого проклятого Дорофа я такого парня потеряла! Ах, Эркан! Его детская улыбка, его ямочки на щеках и задорно сморщенный нос до сих пор стоят у меня в глазах».

После разговора с директором Валерия позвонила Елизавете и долго рыдала в трубку, ни в силах сказать и полслова. Умная Елизавета от расспросов воздержалась. С молчаливым терпением она слушала шмыганье носом подруги и ее горькие всхлипывания, а потом тяжело вздохнула и заключила:

– Да-аа, вот такой нам, бабам, ку-куру-куку через мужиков этих долбанных.

«Как хорошо, когда тебя и без слов понимают», – благодарно подумала Валерия и жалобно пропищала:

– Эркан не такой...

– Да знаю, – отмахнулась Елизавета, – он еще хуже.

Глава 6

И тем ни менее, после разговора с директором Валерия окончательно осознала, что Эрман ее никогда не любил. Она старательно давила в себе чувства, гнала воспоминания, истрадалась и похудела.

Елизавета не осталась в стороне, страдала вместе с подругой.

– Найдем, найдем мы тебе брюнета, – твердила она. – И гораздо лучше, чем тот Эрман. Главное, ты не западай на блондинов.

Временами Елизавета переживала даже больше Валерии. Все осложнялось тем, что сама она (пока подруга постигала науки на Альбионе) настроилась выйти замуж за Круглова – известного и очень модного писателя. Он был положительный со всех сторон и на роль мужа идеально годился. Уже то большой плюс, что Круглов всегда дома: тихонечко за своим компьютером сидит, сигаретки покуривает да «бабки» клавишами выколачивает.

Раз в месяц покажешь его народу, дашь распустить павлином облезлый хвост и снова прячь в нору.

Красота!

А сама – куда бог пошлет!

Или черт заведет. (С чертями Елизавета как-то больше дружила.)

Вообще-то, замуж она не собиралась – и в мыслях не держала. Все как-то некогда было даже об этом подумать: дела, дела... А тут у Круглова брала интервью – внезапно вспыхнул роман...

Ну, все как обычно – вспыхнул и вспыхнул. Мало ли их у нее, этих романов. Порой по три-четыре штуки одновременно случается. И даже больше бывает порой. На все иногда не хватает и чувств: так себе, не рыба не мясо – движется в жизни нечто: любовь вялотекущая, акробатика типа «секс», а тут вспыхнул роман и сразу в серьезное русло пошел.

Елизавета мгновенно сделала стойку: ну-ка, ну-ка, не дура ли я? Не пьет, не колетса, хорош собой, совсем не беден, знаменит и моралист, похоже. Хоть каждый наставляй такому рога, он даже и не заметит.

Столь привлекательную партию упустить она не могла, как не могла быть счастливой рядом с несчастной подругой. Ведь это Валерия, а не она, замуж мечтала выйти.

– Круглов, ты слышишь, – как-то невзначай сообщила она жениху. – Надо срочно Лерке найти брюнета. Озаботься, пожалуйста.

Круглов опешил:

– Лисавет, дорогая, где же я ей найду? Я же безвылазно сижу дома.

– Неужели у тебя нет достойных друзей?

– Друзей сколько хочешь, но, ты знаешь сама, все они алкоголики.

– Да-аа... Придется искать самой.

Елизавета никогда не сдавалась. Искала.

Уж чего только не придумывала она, чтобы наладить личную жизнь подруги. По ее совету Валерия окончила курсы секретаря-референта. Одному богу известно какими стараниями вездесущей Елизавете удалось пристроить ее к боссу, о котором любая невеста на выданье может только мечтать: высокий, красивый, остроумный, образованный, преуспевающий, состоятельный и, главное, холостой... брюнет!

И все мимо! Валерия уволилась, не проработав и месяца.

Почему? Рано утром, отправляясь на службу, она случайно встретила выходящего из казино Французского. Валерия увидела его как раз в тот момент, когда ему энергичным пинком швейцар намекнул что пора бы и честь знать. На трюк этот поглазеть собрался весь персонал казино, что говорило о местной популярности игрока. Французский совершил сальто-мортале

и, к огромному изумлению «фейс-контроля», приземлился весьма виртуозно: сразу на четыре кости – то бишь, на четвереньки. Его качало даже в таком устойчивом положении, но пребывать на карачках Французский не пожелал. Героически принимая достойную позу, он вдруг увидел Валерию и мгновенно ее узнал.

– Какие люди! – с пьяным восторгом завопил он, рушась в ее объятия. – Леди, я терзаем воспоминаниями о вас! Можно я вас поцелую?

По случаю полумертвецкого состояния он был чрезвычайно смел. Валерия (на свое удивление) тоже ему была рада и, как любая женщина с пьяным, но неопасным мужчиной, тоже смела. Подставляя плечо под гуттаперчевое тело Французского, она спросила:

– Как ваши дела, Анатолий?

– О-о! Вы запомнили мое имя?

– Как видите. Так как же ваши дела?

– Чудес-сно! Меня выгнали...

– Я это видела, – поспешила сообщить Валерия.

– Леди, дело в другом, – замотал головой Французский. – То, что вы подглядели, сушая ерунда.

– В сравнении с чем?

– С теми ударами и тумаками, которыми награждает меня злодейка-судьба.

И, пьяно качаясь в ее объятиях, Французский принялся перечислять, загибая на грязной руке короткие пальцы:

– Меня выгнали из моего дорогого пальто, из дивана, из дома, с работы, от соседей моих, от соседей любовницы. Любовница, кстати, тоже поперла меня. Обе. И даже третья, та, с которой переспать еще не успел. Только подумывал. Короче, – с непонятным удовлетворением заключил он, – я лишился практически всех удовольствий. Даже своего чемодана. Зато щедро доставляю удовольствия всем.

Французский кивнул на швейцара, чей пинок помог ему выбраться из казино.

– Леди, знаете что такое жизнь? – горестно спросил он.

Валерия знала.

– Жизнь, это накопление опыта, путем постепенной утраты всего, – повторила она истину, услышанную от самого же Французского.

– Вовсе нет, – рассердился он. – Жизнь, это накопление опыта ценой утрат удовольствий. Сегодня я утратил последнее: мне негде спать. Проигрался в дупель и зверски голоден. И, что совсем уж невыносимо, я никому не нужен. Меня не любит никто!

Разумеется, Валерия взяла его к себе. По наглому требованию Французского она не пошла на работу, в результате ее уволили. Но зато он отогрел ее заиндевелую душу. Некоторое время Валерия жила в полном ладу с собой.

От чего Елизавета потеряла покой.

– Круглов, ты только послушай! – возмутилась она. – Это же черт знает какую ку-куруку она мне подложила! Получила ошизненное место и тут же его накрыла вот такенным хреном с прибором! – Елизавета эмоционально указала размер.

– Откуда у нее такой хрен? – флегматично поинтересовался Круглов, мысленно констатируя, что и сам от такого бы не отказался. – У нее же эта, как ее... Короче, сама понимаешь.

– Круглов, вечно тебя обуревают не те вопросы, – рассердилась Елизавета. – Откуда у Лерки хрен! Будто не знаешь! От блондина, откуда ж еще! Лучше скажи, как я буду людям смотреть в глаза? Один бог знает каких стоило мне трудов пристроить ее в ту фирму.

– Я тоже знаю.

– Ничего ты не знаешь! Вот же кретинка, не дорожить таким местом! Босс холостой! Такими боссами в наши дни не бросаются. Другая бы не сплеховала, тем более что по нынешним временам Лерка совсем недурна.

– Да, пресловутые 90-60-90 у нее имеются, – согласился Круглов. – И рост, кажется, 180.
– 186, – уточнила Елизавета.

– Да-а. Позавидует любая. И миловидная, и голубоглазая, и белокурая. Лицо ангела, – заключил он и тут же схлопотал затрещину.

– Ах ты кобель! – закричала Елизавета, отпуская каскад подзатыльников.

Сама-то она с блеском строила свое женское счастье на очень скромном фундаменте. Она была конопата, плосковата, коротковата, на макушке редковата...

Да что о том. Бесполезно перечислять все то, чем поневоле гордилась Елизавета. Естественно она завидовала яркой внешности подруги, считала Валерию красавицей и хвастала всем ее красотой, раз уж не могла похвастать своей.

– Ах, – вздыхала она, – ну где, где найти того брюнета, который Лерку убедит в том, что она ничего.

– Лисавет, а что долго искать? – вдруг озарился Круглов. – Хватай Рафика. Вот этот – настоящий кобель. Он кого угодно убедит в чем угодно. Только представь: на день города N втулил вместо надувных шаров вагон бракованных презервативов, и все были счастливы во главе с губернатором-импотентом.

– Точно! – обрадовалась Елизавета. – Рафик нам подойдет. И красивый, и богатый, и брюнэт. Брюнэт!

– Еще бы, он же Рафик.

– Правда, он женат...

– Но, как настоящий мужчина, всегда готов развестись, – заверил Круглов.

– Ах, вот как?! – Елизавета отпустила жениху еще каскад подзатыльников.

– Лисавет, я не настоящий мужчина, – в качестве оправдания сообщил Круглов и, подумав, добавил: – К тому же, еще не женат.

Этим же вечером Елизавета зазвала в гости Валерию. Конечно же, совершенно случайно там оказался и Рафик. Высокий сильный, уверенный в себе брюнэт.

Валерия вошла и остолбенела.

– Какая красавица! – воскликнул Рафик, мигом приобретая обычное свое состояние хронической готовности.

Он был сражен! Он был влюблен! Он был высок! Он был брюнэт!

Валерия долго (минут десять) боролась с собой, и в конце концов ее совесть (этот строгий Родитель) пала смертью храбрых. Ее Взрослый не знал что делать. Рафик назначил свидание, Дитя и Валерия хором сказали «да».

Глава 7

Всю ночь она проплакала на плече Французского. Она плакала, потому что была честна и добра, она страдала его страданием. Он же долго слез ее не замечал и мирно похрапывал. А когда наконец заметил, удивленно спросил:

– Почему ты плачешь?

– Потому, что получила диплом, но из-за этой дурацкой бомбы не могу устроиться телохранителем, – солгала она.

Не говорить же ему про любовь к Рафику. Дальнейший разговор должен был пойти в таком ключе: работы нет, денег нет, чувств нет – пора расходиться. Однако Французский повел себя неожиданно.

– Сокровище, – сказал он, – ради тебя я готов на все! Жизнь ради тебя отдам!

Валерия перестала плакать, подняла голову с его плеча и спросила:

– В каком смысле?

– Нет проблем. Сокровище, я найду тебе работу.

– Ты же себе не можешь найти.

– Да, такой я альтруист – привык жить для других. Завтра же у тебя будет работа! – чрезвычайно довольный собой, заверил Французский.

«Вот завтра про Рафика ему и скажу», – с облегчением вздохнула Валерия.

С Рафиком, увы, тоже все оказалось не просто. Валерия случайно (из его же слов) узнала, что он «некоторым образом как бы женат».

Разъяренная, на следующее свидание она не пошла. Рафик был безутешен. Примчавшись к Елизавете, он с кавказским темпераментом час, не меньше, выл и вопил:

– Где она?! Где она?!

Вопил бы и больше – не выдержали соседи, начали в стену стучать.

Не выдержала и Елизавета – позвонила Валерии и переадресовала вопрос:

– Где ты? Где ты?

– Он женат! Он женат! – горько рыдала Валерия.

– Ты женат! Ты женат! – фальшиво возмутилась Елизавета.

– Разведусь! Разведусь! – фальшиво заверил Рафик, искренне клянясь чьей-то мамой.

– Ой ли! – усомнилась Елизавета.

Подумав, Рафик поклялся мамой уже своей, а потом поочередно всевозможными мамами – так дорожил он Валерией.

Елизавета решила поверить.

– Ладно, поспособствую, – согласилась она, и мир был восстановлен.

Но на условиях: Валерия встретится с Рафиком только тогда, когда он сможет пригласить ее в свой родной дом, а не в какую-то там гостиницу. Рафик яростно стучал в грудь кулаком и кричал, что произойдет это очень скоро.

– Я сам хочу! Сам хочу! – при этом вопил он.

И не обманул.

Но не обманул и Французский. В этот же день в квартире Валерии раздался звонок, ей предлагали место телохранителя.

Хозяйкой оказалась преуспевающая предпринимательница – стареющая крашеная блондинка... А может и не стареющая – просто бизнесом баба загнала себя, довела до мумиеобразного состояния.

Впрочем, Валерии было все равно. У нее снова имелась работа. Хозяйка предложила подписать очень выгодный контракт на три года. Жалование, конечно, было не то, которое обещал господин Дороф, но и предпринимательница не входила в десятку богатейших людей

планеты. К тому же, Валерия поняла, что рисковать ей не слишком придется. Блондинка сразу объяснила, что не очень верит во все эти новомодные навороты и по старинке больше полагается на крутых парней да на их «пушки».

– Зачем же я вам нужна? – удивилась Валерия.

– Для престижу, – заявила блондинка и пояснила: – Беру тебя из-за английского диплома. Хочу конкурентке нос утереть. И еще: твои голубые глаза прекрасно гармонируют с моими автомобилями, сумочками и перчатками. Голубое идет к синему, а я обожаю синий цвет.

Валерия пришла в восторг:

– Я тоже!

Блондинка посмотрела на нее уже с симпатией и спросила:

– Как относишься к мужикам?

– Терпеть ненавижу!

– Думаю, сработаемся. На первый прикид ты мне нравишься. Если так и дальше пойдет, сумма, положенная тебе, удвоится. Сегодня уезжаю в командировку, но через неделю вернусь, и сразу приступишь к работе.

Из кабинета блондинки Валерия вылетела на крыльях радости. «Опять! Поперло опять!»

И в этот момент зазвонил ее мобильный. Это была Елизавета. С очень приятной новостью.

– Лерка! Ты только не ку-куру-куку! Только не падай в обморок! Рафик не обманул. Развелся и уже сегодня хочет произвести обмен.

– Какой обмен? – растерялась Валерия.

– Ну как же, Лерка, он хочет предложить свою крепкую мужскую руку в обмен на твое нежное женское сердце.

– Я согласна! – возликовала Валерия.

– Тогда приготовься, сегодня у вас первая брачная ночь.

– Так скоро?

– Дорогая, очнись, на дворе двадцать первый век – век высоких скоростей и сверхнизменных страстей. Пока! Желаю счастья! Жди его звонка!

И тут Валерия вспомнила про блондинку.

– Лиза! Лиза! – закричала она. – Представляешь, я на работу устроилась!

Не входя в подробности, она рассказала о предложенном месте, умолчав о неожиданном содействии Французского. Елизавета тоже обрадовалась.

– Вот это ку-куру-куку! – восхитилась она. – Поперло так поперло! И брюнет! И приличная зарплата! Помнится, было у тебя однажды такое, – совсем некстати вспомнила она.

«Зачем Лизка об этом?» – расстроилась Валерия.

На душе ее заскребли кошки, Елизавета же, не замечая своей бестактности, с азартом повела допрос:

– Слушай, Лерка, а что у нее хоть за тело, у босси твоей? Кого охранять-то будешь?

– Тела наплакал кот. Я мумиехранитель скорее, чем телохранитель. То, на чем она носит свои костюмы, телом назвать никак не могу.

– Да ну?!

– Нет, правда, не баба, а мумия.

– Здорово! – восхитилась Елизавета и мигом дала наказ: – Ты сразу диету ее запиши. Как она такого блестящего результата, ку-куру-куку, добивается? Какие жиросжигатели жрет? Или она очень злая?

– Нет, она добрая. Все удачно сложилось: и босса хорошая, и работа непыльная и риска никакого. От меня всего-то и требуется, что ее собой украшать, – с гордостью сообщила Валерия и, смутившись, добавила: – Представляешь, она находит меня привлекательной.

– И не она одна, – рассмеялась Елизавета. – Рафик тоже находит тебя привлекательной. Слушай, Лерка, даже не верится. Неужели пруха опять? Как я за тебя ку-куру-куку!

– Не сглазь, – воскликнула Валерия и подумала: «Нет, на этот раз действительно поперло. Поперло так поперло!»

Входить в первую брачную ночь с якорем-Французским Валерии страшно не хотелось. Из порядочности и суеверия (что в наше время одно и то же) она решила сейчас же покончить со старой любовью.

Французского она нашла на своем диване – он там жил. И очень неплохо. Валерия долго сидела рядом, напряженно молчала, он же развлекал себя прессой и хозяйки дивана не замечал. Наконец она собралась с духом и выпалила:

– Толя, я другого люблю.

– Любовь – хорошая штука, – не отрывая глаз от газеты, философски заметил он и вежливо сообщил: – Рад за тебя.

– Ты не понял! – рассердилась Валерия, храбро выставя на стол шампанское. – Я в ближайшее время замуж за него выхожу.

Французский нехотя отложил газету:

– А как же я?

Она промямлила, пряча глаза:

– Ты все равно только лежишь на диване. Другой диван без труда найдешь.

– Да-ааа?!

– В условиях капитализма выбор диванов велик, – успокоила его Валерия.

И тут-то глобально равнодушный Французский обнаружил недюжинный темперамент. Он вскочил, грохнул по столу кулаком и завопил:

– Но я хочу лежать на твоём! На твоём, черт возьми, диване! Понимаешь?!

– Но почему именно на моем?

– Я привык!

Заметив, наконец, стоящее на столе шампанское, Французский так же мгновенно успокоился, как и распалился.

– А это зачем? – спросил он.

– Прощаться, – робея, призналась Валерия.

– Хорошо, будем прощаться, – неожиданно охотно согласился Французский и уже вдохновенно скомандовал: – Открывай!

Валерия послушно и не слишком умело начала откупоривать бутылку. Французский с молчаливой безразличностью наблюдал. В конце концов он не выдержал и с криком: «Кто так открывает?!» – вырвал бутылку из рук Валерии.

Когда выпили по бокалу, он спросил:

– Как его зовут?

– Рафик.

– Брюнет?

– Брюнет.

– За что ты его полюбила?

– Он сказал, что у меня необыкновенно стройные и красивые ноги.

Французский с удивлением посмотрел на Валерию и спросил:

– Это все?

Она пожала плечами, и, не зная что отвечать, повторила:

– Он сказал, что у меня необыкновенно стройные и красивые ноги.

– Разве я этого не говорил? – поразился Французский.

Валерия грустно покачала головой:

– Нет.

– Ну, так и говорить не буду, поздно. Послушай лучше поучительную историю. У его жены были худые и кривые ноги, поэтому он чужие хвалил. Но когда эти ноги от него ушли, он побежал за ними. Смешно?

– Глупо, – рассердилась Валерия. – Я его люблю, он мне нужен.

Французский усмехнулся:

– Сокровище, знаешь что такое жизнь?

– Знаю, – отмахнулась она, – жизнь, это накопление опыта ценой утрат удовольствий.

– Мимо. Мимо, сокровище, мимо. Опять мимо. Жизнь – это процесс мучительного приобретения того, в чем нет нужды.

Французский налил вторую порцию шампанского, залпом осушил бокал, сказал: «Жаль, неплохой был диванчик», – и ушел.

Валерия подавила легкую грусть и сама позвонила Рафику.

– Приезжай! – бодро сказала она.

И он тотчас за ней приехал.

Потом был ее триумф: ресторан, стол нетронутых блюд, песни одна за другой, для нее, все для нее, признания в любви (в основном его, она стыдливо молчала)...

Валерия была слегка пьяна. Рафик поглядывал на часы. Наконец он сказал:

– Пора!

И, словно бывалый командир новобранцев в бой, с храбрым нетерпением повел на брачное ложе невесту.

Это была настоящая ночь любви. Таких ночей не знала Валерия. То, на что был способен Рафик, думается, и Казанова не мог.

Валерия вдруг прозрела: оказывается Эркан – актер погорелого театра с этой своей дурацкой бомбой. Рафик! Только он оказался способен унести ее в заоблачные выси женского счастья-блаженства! Это был рай на земле! Фантастика! Сказка! И много-много всего, не передаваемого словами!

Очнувшись, Валерия увидела на полу разорванную блузку, очень дорогую блузку – результат патологической экономии и двухнедельных голоданий. Валерия не расстроилась, а откинулась на подушку и воскликнула:

– Я опять счастлива и из этого заблуждения меня не выведет даже утрата всего гардероба!

– Драгоценная! – закричал Рафик. – Каждый день буду покупать тебе новую одежду, а ночью рвать ее! Рвать! Рвать прямо на тебе! Скажи, что ты хочешь?

– Порви на мне норковую шубу, – проворковала Валерия.

– Прямо сейчас! – загорелся Рафик и выбежал из спальни.

Когда он вернулся, в его руках действительно была норковая шуба с воротником из дорогого горноста. Роскошная голубая норка и белый горноста! Просто блеск!

Валерия примерила и обнаружила, что рукава короткие – едва достают до локтей.

– Но это же шуба твоей бывшей жены, – растерялась она.

– О! – закричал Рафик. – Ты не представляешь сколько эта пиявка высосала из меня крови. Все, чтобы я ни сделал, не нравилось ей. С утра до вечера критиковала. Все наперекор. Прошу ее: «Дорогая, душно». А она мне: «Форточка открыта». «А я хочу открыть окно!» Знаешь, что ответила эта язва?

– Нет.

– Комары налетят. «Ты думаешь, – говорю я, – что комары не пролезут в форточку?» А на самом деле ей плевать, лишь бы мне возразить. Какое счастье, что я избавился от нее. Валерия, это кайф, что я нашел тебя! Тебя!!!

– Но почему она оставила такую красивую шубу? – изумилась Валерия.

Рафик оторопел:

– И в самом деле, почему?

– Может забыла?

– Не-ет, она везде теряла меня, но шубу – никогда! Оставила назло, – предположил он. – Понимаешь, эту шубу я ей дарил. Говорю же, чтобы ни купил – все забракует. Купил ей как-то свитер. «Это тряпка», – говорит жена. «Ты что, – возражаю я, – это чистая шерсть, целых восемьдесят процентов.» «С чего ты взял?» – удивляется она. Я ей в ответ: «На этикетке написано». И знаешь что она сказала?

– Что?

– «Ха, дурак! Вот вся эта шерсть на этикетке и осталась!» Вот же сучка!

Валерия прониклась сочувствием.

– Милый, – сказала она, – дари мне что хочешь. Все буду хвалить.

И Рафик тут же сделал широкий жест:

– Дарю тебе эту квартиру!

– Правда? – обрадовалась Валерия.

– Завтра же прикажу переклеить обои и поменять мебель.

Валерия завизжала от восторга:

– И-иии! Рафик! Ты мой самый любимый!

– Не самый, а единственный, – ревниво поправил он.

– Да! Единственный! Пойдем, посмотрим куда что лучше поставить, – потащила она его из спальни.

Квартира была огромная. Валерия бегала из комнаты в комнату и мечтала:

– Здесь будет зеркало! Или здесь? Или повесим сюда?

– Как скажешь, драгоценная.

– А здесь туалетный столик.

– Именно.

– А здесь мы фонтанчик организуем. У меня на лице кожа очень сухая.

На фонтанчике Рафик схватил Валерию в охапку и с воплем экстаза «у тебя персик, а не кожа» снова потащил ее в спальню.

– Прямо в шубе, прямо в шубе, – твердил он.

– Зачем? Зачем? – сопротивлялась она.

– Чтобы отомстить жене.

И Валерия сдалась: месть – благородное дело.

Потом Рафик пошел в душ, а Валерия, не снимая шубы, снова отправилась дефилировать по квартире. Комнаты были хороши, но больше всего ей понравилась прихожая. Просторная, отделанная резным дубом, она Валерию потрясла. Не совладав с радостью, Валерия бросилась звонить подруге.

– Лиза! Резной дуб! Дуб! Представляешь? Бешеные деньги!

– Ку-куру-куку! – восхитилась Елизавета.

– Обалденная квартира! И он ее мне подарил! Представляешь?

Елизавета одобрила:

– Настоящая мужская щедрость.

– Как мне повезло!

Вдруг в момент пика везения входная дверь распахнулась и...

То, что произошло в дальнейшем, Валерию просто парализовало – она так и застыла с трубкой в руке, голая, но в норковой шубе. Почему?

Потому что на пороге стояла блондинка, мумия-боссша, которая накануне доверила Валерии свое тело. В одной руке у нее был зонт, в другой дорожная сумка.

Мумия тоже не ожидала встречи со своей телохранительницей, а потому потеряла дар речи. Она лишь переводила глаза с голого живота Валерии на роскошный горностаевый воротник своей шубы. Переводила, переводила и беззвучно хватала ртом воздух...

Так продолжалось до тех пор, пока из ванной не вышел Рафик. Вот тут-то мумию и про-
рвало.

– Ах ты, сволочь! Ах ты, гад! Я – за дверь, а ты – бабу в мою постель! – заорала она и...
начала зверски лупить своим зонтом Валерию.

Все согласно загадочной женской логике.

Что же сделал Рафик?

Разумеется, он повел себя, как настоящий мужчина – присягнул на верность жене.

– Дорогая, – воззвал он к мумии, – сейчас тебе все объясню, и ты сразу поймешь! Я не
виноват! Она сама заявила и соблазнила меня сама!

– Кто она? Кто она? – резво охаживая зонтом Валерию, вопила мумия, хотя прекрасно
знала, что это телохранительница, которая всего-навсего «перепутала» в их семье тела.

Далее...

Что далее, знают все. Скандал не угас мгновенно, но история так банальна, что нет смысла
и продолжать. Совершенно очевидно, что простодушная Валерия одним махом лишилась и
работы, и брюнета, и, увы, своего Французского – привычного и домашнего.

Остаток ночи она прорыдала на тощей груди Елизаветы, которая, срывая крошку с зубов,
бесилась и приговаривала:

– Ну я Рафику покажу. Такую про его фирму статейку состряпаю, тошно ублюдку станет.
Сделаю ему настоящий ку-куру-куку!

– Не надо, не надо, – всхлипывала Валерия.

– Надо-надо, – заверяла Елизавета и, глотая слезу сочувствия, спрашивала: – Теперь ты
понимаешь, что мужиков совершенно нельзя любить?

– Теперь я понимаю, что нельзя любить брюнетов. Они, оказывается, хуже блондинов, –
с ревом сообщала Валерия и тайком от подруги подумывала: «Как бы своего Французского
обратно вернуть?»

Глава 8

Дороф задумчиво смотрел в экран телевизора. Там на канале Дискавери дельфины ловко загоняли в морские сети бескрайние рыбы косяки, бурлящие серебристыми спинами. Люди и дельфины (практически бок о бок) делали общее дело. И работа их спорилась – похоже, были довольны и животные и рыбаки.

Казалось бы, что их связывает: одни на земле обитают, другие живут в море. А вот, поди ж ты, общий язык нашли и сотрудничают к обоюдной выгоде. Уже много веков. И никто никого не предал, не кинул: ни дельфины своих рыбаков, ни рыбаки своих верных дельфинов.

«А я, черт возьми, вынужден опасаться своих друзей, – раздраженно подумал Дороф. – Боюсь того, с кем в упряжке одной радею за общее дело».

Он сердито глянул на Кляйста и смягчился, решив: «Зря на него напал. Сдаст старик: лицо пожелтело, мешки под глазами, явно он занедужил. Не мог он меня предать. Да и поздно ему уже с саблями наголо в атаку ходить. Дэн мой, конечно, прав, пора кончать с террористами, но старик упирается не потому, что работает на Эрдогана. Кляйсту присуща осмотрительность, вот он и тянет...»

Дороф понимал, прими он сторону Кляйста и силы в их жарком споре распределятся поровну: Круз и Дэн – за операцию, Кляйст и Дороф – против. В этом случае Круз мгновенно изменит мнение и переметнется на сторону босса, тогда за – будет лишь Дэн.

Выходит, операцию придется надолго отложить. Дорофа это никак не устраивало. Надоело жить под прицелом бандитов – иначе этих борцов за независимость не назовешь. Но с другой стороны, у Кляйста мудрость и опыт, и даже чутье...

Дороф решил: «Прав Кляйст. Тут нужна осторожность. Ладно, не буду горячку пороть. Послушаю мудрого Кляйста, он мне словно отец. Бессонницу из-за меня получил, переживает. Язва его обострилась. Послушаю старика. Заодно и посмотрим как дальше пойдут дела».

Денис, устав ожидать решения друга, сердито спросил:

– Ну? Зачем мы собрались? Вопросы решать или на дельфинов смотреть? Ты бы, Дороф, еще мультяшки нам показал, Микки Мауса или Бэтмена. Эрдоган совсем обнаглел, скоро как на медведя, с рогатиной на тебя поперет, а ты все тянешь резину. Решение пора принимать.

Кляйст недовольно взглянул на Дениса, но промолчал. Хитрый Круз явно поддерживал Дэна, но давить на шефа не стал. За многие годы Круз изучил все повадки Дорофа и понимал, что давить бесполезно. К тому же, не совсем было ясно как выгодней поступить. Отстаивать свою точку зрения в столь щекотливом вопросе опасно – на карте жизнь Дорофа. Поэтому Круз меланхолично смотрел в окно. Денис понял, что поддержки он не дождется и сник.

– А, пошли вы все к черту, – по-русски разочарованно бросил он и назло всем уставился в экран телевизора. – Уж лучше на дельфинов смотреть, чем...

Кляйст и Круз, русского не понимая, переглянулись и хором спросили:

– Что ты сказал?

Один Дороф понял Дениса и с усмешкой симпатии бросил:

– Дэн, не гони волну. Все утрясется.

Этим он окончательно вывел из равновесия друга.

– Нет, ну ты смешной! – вскакивая, закричал Денис уже по-английски. – Что утрясется? Куда утрясется? В могилу? Пора Эрдогана за задницу брать!

– Операцию начинать рано, – твердо сказал Кляйст.

Дороф с ним согласился:

– Да. Операция недостаточно проработана. Подождем.

Денис взбесился:

– Чего подождем? Чего вы собрались ждать? Пока террористы пришьют эту дуру Валерию? Удивляюсь, почему до сих пор не пришли. Сам бог нам посла ниточку – только дергай за кончик да вытаскивай из щелей всех врагов, нет же, друзья мне подножки ставят. Заладили: подождем, подождем. Тьфу!

Расчетливый Круз, заметив, что перевес обозначился и шеф на стороне Кляйста, решил сэкономить время.

– Успокойся, дружище, – сказал он, охлаждая пыл Дэна. – Если эта русская жива до сих пор, значит Эрдоган что-то задумал...

– Задумал! – прервал его Денис. – «Сюрприз» он нам всем готовит, ясно как в солнечный день.

– Лично мне пока ничего не ясно, – возразил Круз. – Эрдоган затаился. Он явно чего-то ждет, подождем и мы. Время покажет.

– Время покажет! Время покажет! Одно и то же заладили! – психанул Денис и, хлопнув дверью, вылетел из кабинета Дорофа.

Кляйст и Круз недоуменно переглянулись и воззрились на шефа. Он улыбнулся, извиняясь за друга:

– Не будем обижаться на Дэна. Среди нас он самый неопытный и молодой. Горячая кровь. Никто обижаться не собирался.

– Решение принято? – желая поставить точку, спросил Кляйст у Дорофа. – Будем ждать? Тот кивнул:

– Подождем.

Круз мгновенно осведомился:

– Значит я могу быть свободен?

– Да, все свободны, – устало вздохнул Дороф.

Круз вышел, а Кляйст задержался.

– Майкл, сынок, будь осторожен, – с мольбой попросил он. – Предвижу, Дэн опять начнет тебя уговаривать, и потому настаиваю, не начинай операцию. Помни: нельзя начинать до тех пор, пока точно не выясним кому она больше выгодна: нам или Эрдогану. Он оставил в живых свидетеля, эту девицу Валерию. Случай невиданный.

Дороф недовольно подумал: «Сейчас начнет ворчать, что Дэн или Круз предатели. Сегодня и он не выдержит, начнет меня убеждать, что раз кто-то подбрасывает конфиденциальную информацию Эрдогану, значит есть предатель. И Кляйст, конечно, уверен, что предатель Круз или Дэн. На его взгляд скорее Дэн, раз он русский».

Теперь уже Дороф и сам точно знал – предатель среди друзей. Но кто он? Кто?!

Дэн и Круз кивают на Кляйста. Старик Кляйст благородно молчит. Он, против всех опасений Дорофа, и сейчас промолчал, даже намеком не указал в сторону Дэна. Лишь сказал, уходя:

– Сынок, пока не выясним кто работает на Эрдогана, операцию начинать нельзя.

Дороф согласно кивнул и, глядя в его сутулую спину, подумал: «Почему Кляйст не переваривает Дэна? Ревность? Точно, ревность. Столько лет я только к нему прислушивался, а тут появляется молокосос...

Да-а, дружище Дэн во внуки Кляйсту годится, но это еще не повод в предательстве парня подозревать. Сказать, что идет борьба за власть, тоже нельзя. Появление Дэна не ограничило власти Кляйста. Даже наоборот, Дэн старика уважает, ему подражает и подчиняется. Похоже, Кляйст просто враждебно настроен к русским», – пришел к грустному выводу Дороф.

Однако, такое заключение не решало проблемы. Кляйст не переваривает Дэна, но оба они дороги Дорофу. Предположить, что кто-то из них предатель, мучительно и невозможно. Кляйст благородно молчит, но Дэн не дурак, чувствует кого старик подозревает и потому подозревает его самого. Круз симпатизирует Дэну и с трудом переносит Кляйста. Здесь все понятно,

Круз самолюбив, а мудрый Кляйст слишком часто бывает прав. Поэтому Круз старается ско-
вырнуть старика и хочет его подозревать...

Но Дорофу что в таком случае делать? По логике вещей он должен бы подозревать Круза,
но как он может его подозревать, когда Круз весь будто на ладони?

А предатель имеется. И он среди них троих, самых близких. После случая с бомбой это
стало сверх очевидно. Кто-то из них террористам стучит. Но кто?

«Черт возьми, кто?! – в который раз задавался вопросом Дороф. – Кляйст?

Невероятно. Он роднее отца.

Круз?

Невозможно поверить. С Крузом слопали не один пуд соли, в переделках бывали смер-
тельно опасных. Никогда он не отступал и на предательство не способен. Круз – сто раз про-
веренный человек.

Остается Дэн.

Про Дэна не может быть даже речи. Дэн будто брат. Он жизнью готов рисковать ради
друга. Нет, это не Дэн. Подозревать Дэна просто абсурд.

Кто же тогда? Кто меня предает?» – спрашивал и спрашивал себя Дороф, но ответа не
находил.

Он устал подозревать тех, кого много лет знает и любит.

«В одном Дэн был прав, – устало подумал он, – надо что-нибудь предпринимать. Так
жить невозможно».

Глава 9

– Девушка, девушка, что вы думаете о роковом мужчине?

Среднего рода существо презрительно оглянулось. Валерия поежилась и безмолвно ахнула: «Какой кошмар!»

Существо действительно было ужасно. Бритоголовое, с ярко покрашенными губами, в кожаной куртке и вельветовой юбке, надетой поверх полосатых штанов, из-под которых неуклюже торчали высокие армейские ботинки...

Бесспорно, существо было ужасно, но, не подозревая об этом, оно явно себе нравилось.

– Чиво-оо? – с гримасой агрессивного превосходства спросило оно.

Валерия отступила, робея и понимая что девица не расположена к творческим беседам. Однако, заметив в руках Валерии микрофон, она подобрело. Валерия рискнула повторить вопрос:

– Что вы думаете о роковом мужчине?

– Я об нем вааще не думаю, – сквозь «жвачку» лениво процедило существо.

За ответом последовал косой плевок, от которого Валерия ловко увернулась, чем заслужила одобрителный кивок девицы, междометие «вау» и реплику:

– Круто!

– Ну, хорошо, – из последних сил сдерживаясь, сказала Валерия, – тогда выразим нашу мысль следующим образом: вы верите в его существование?

Девица закатила глаза, почесала бритую голову, радостно гмыкнула и спросила:

– Каво?

«Сейчас меня вытошнит,» – подумала Валерия, досчитала до трех и вежливо пояснила:

– В существование рокового мужчины вы верите?

Девица снова гмыкнул, сплюнула, выдула из «жвачки» пузырь и тупо уставилась на микрофон.

– Чиво? – спросила она с угрозой.

Терпение стремительно покидало Валерию.

– Ну в существование рокового мужчины вы верите или нет? – уже не скрывая раздражения, гаркнула она.

– А че это за роковой мужчина такой? – с небрежной блатнецей поинтересовалась девица.

Валерия вздохнула, отправила микрофон в сумочку, развернула девицу на сто восемьдесят градусов и неслабым пинком с наслаждением придала ей хорошее ускорение. Девица бодро врезалась в толпу прохожих.

– Ну ты, гонишь! – последовало в ответ, однако от дальнейшего общения девица воздержалась.

Сила Валерии впечатлила ее.

Елизавета, снимавшая на видеокамеру эту сцену, рассмеялась, но это был смех сквозь слезы. Она искренне переживала за подругу и очень хотела помочь ей, а потому воскликнула:

– Потрясно, Лерка! Потрясно!

– Все! Больше не могу! – возмутилась Валерия. – Не выйдет из меня репортера, видишь сама.

– Это потому, что ты пасуешь перед объектом, – невозмутимо возразила Елизавета.

Валерия покраснела.

– Пасую! Да пасую! – закричала она.

– Но почему? Почему?

– Потому что это унизительно. Бегать за прохожими и каждому совать микрофон в зубы, когда им нет до тебя никакого дела. Прошли времена, когда народ млел перед прессой. Журналистов теперь не уважают, а презирают. Все вы нули без палочки, сливные бачки.

– Вовсе не нет, – возразила Елизавета. – Мы по-прежнему сила. Кто они такие, эти прохожие? Мошки. Вот эта девица чмошная, кто она? Конечно же муха, а я, если захочу, такого слона из нее раздую, что только ку-куру-куку. И она это сразу почувствует, как только я к ней подойду. Вон, видишь еще одна debilка хилает. Дай-ка мне микрофон.

Валерия растерянно протянула раскрытую сумочку. Елизавета выхватила из нее микрофон, небрежно бросила «смотри!» и бесстрашно врезалась в толпу. Минуту спустя Валерия с восхищением наблюдала как под напором самоуверенности ее подруги нагловатая девица становится мягче воска. Елизавета ласкала голосом и уничтожала взглядом. В конце концов девица утратила апломб, смешалась и смущенно залепетала несусветную чушь. К роковому мужчине ее лепет не имел отношения, однако Елизавета была довольна и горда.

– Учись, пока я жива, – снисходительно бросила она Валерии, небрежным кивком отпуская вконец сомлевшую девицу. – Секрет прост, надо быть понаглее. Наглость – второе счастье.

– А первое – что? – спросила Валерия и, не дожидаясь ответа, запротестовала: – Нет уж, я пас. Это не для меня.

– Да ты что? – возмутилась Елизавета. – Такое дело тебе предлагаю. В наше время умные люди от этого не отказываются.

– Значит я дура, – отрезала Валерия, но, наткнувшись на сердитый взгляд подруги, растерянно добавила: – Нет, правда, Лиз, ни репортера, ни журналистки не получится из меня никогда. Писать я не умею, а незнакомых людей просто боюсь.

Елизавета горестно головой покачала и со вздохом произнесла:

– Ой, Лерка, ладно, пойдем куда-нибудь перекусим. Жрать хочется, аж ку-куру-куку.

Валерия виновато пожала плечами:

– Нет, я домой.

– Домой?! К своему Французскому?! Слушай, в чем дело? Не умрет он там без тебя.

– Ну почему сразу к Французскому? Просто у меня много работы, неотложные дела.

Елизавета махнула рукой:

– Да нет у тебя никаких дел, ты безработная. А твой пьяница и бабник – французский кобель, подождет. Кстати, показала бы мне его.

– Ты же в аэропорту его видела.

– Ну да, едва помаячил на горизонте. Почему прячешь? Все равно знаю, что снова ты подобрала облезлого заморыша, «мудрого и несчастного», – Елизавета передразнила подругу и с осуждением спросила: – Эх, глупышка, когда ты уже поумнееешь?

Валерия пыталась оправдываться и упрямо лепетала про свои дела, но Елизавета слушать не захотела.

– Короче, ку-куру-куку! – бодро воскликнула она, подхватывая подругу под руку и увлекая ее за собой. – Сейчас зайдем в кафе, перекусим, расслабимся, а потом отправимся в мою газетенку. Посмотришь. Я там такой ремонт затеяла, полный отпад!

Несмотря на то, что Валерия была значительно крупнее и сильнее шупленькой Лизы, она покорно за ней следовала, потому что с детства привыкла подчиняться подруге.

– Мне пора домой, пора домой, – робко мямлила она, озабоченно поглядывая на часы и смиренно топая за Елизаветой.

Дома Валерию действительно ждал злой и голодный Анатолий Французский – не пьяница и не бабник, а самый заурядный неудачник, лентяй и обитатель дивана. Философ.

Он вернулся и опять отогрел ее душу, после чего Валерия окончательно его разлюбила. От его присутствия даже страдала и ругала себя, не имея мужества погнать непутевого из своей квартиры. А Французский на этот раз расположился со вкусом: с аппетитом ел много и вкусно,

пил одну Пепсиколу, а денег катастрофически не хватало на самое необходимое – еле сводили концы с концами.

Елизавета была права, Валерия действительно стеснялась Французского и действительно прятала его от подруги. Можно представить ее досаду, когда внезапно увидела она его, своего Анатолия, растрепанного, пьяного и небритого, шагающего им навстречу, в старом помятом плаще, в стоптанных башмаках...

«Что этого уроды заставило подняться с дивана?!» – ужаснулась Валерия и даже зажмурилась, опустила голову, в надежде, что Французский ее не заметит.

Но он заметил и, расталкивая прохожих, бросился наперерез.

– О-оо! О-оо! – пьяно вопил он, не находя слов от избытка эмоций.

– Мужчина, в чем дело? – недовольно спросила Елизавета, брезгливо отталкивая его.

– О-оо! – воскликнул он, вкладывая в это междометие всю игривость, на какую только был способен.

– Мужчина, вы кто? – уже мягче поинтересовалась Елизавета, а Валерия покраснела до корней волос.

Анатолий качнулся и сильно заплетающимся языком представился:

– Я, ик! простите, Французский.

Елизавета опешила, вымолвила свое обычное «ку-куру-куку!» и сочувственно уставилась на подругу. Та вжала голову в плечи, друг же ее не унимался. Радостно заржав, он воскликнул:

– Да, я Французский! Подданный! Ик!

– Сильно подданный, – желчно констатировала Елизавета. – Фу-уу! Разит как из пивной бочки! Шел бы ты, дорогой, куда шел.

Анатолий качнулся, сурово глянул на Валерию и пояснил:

– Я без нее ни-ни. Мы оба, – он сделал жест, которым лепят пирожки.

Елизавета с отвращением поморщилась.

– Фу, гадость какая! – сказала она, отталкивая Французского и увлекая за собой подругу.

– Девушки, вы знаете, что такое жизнь? – с пафосом спросил он им вслед сильно заплетающимся языком.

Ответа не последовало, и Французский громогласно продолжил:

– Жизнь, это мучительная и бесполезная борьба с алкоголизмом!

Прохожие по необъяснимому русскому обычаю с симпатией смотрели на пьяного мужика и хихикали с одобрением. Валерия видела это и презирала и себя, и прохожих, и Лизку, и конечно Французского. Его – больше всех.

– Не знала, что он у тебя такой философ, – ядовито заметила Елизавета, ускоряя шаг. – Сразу чувствуется, что бедняга не столько живет, сколько ищет смысл своего бесцельного существования.

– Да-а, он такой, – вздохнула Валерия.

Расстроенная, она беспомощно оглянулась – Французский застыл в своем помятом плаще, щуплый, жалкий и пьяный...

Елизавета тоже бросила на него взгляд: презрительный, испепеляющий.

– Это надо отметить, – сказала она. – Так, милочка, сейчас же приглашаю тебя в ресторан. На обед. Посидим, поговорим «за жизнь».

– Я не одета, – испугалась Валерия.

– Ты всегда не одета, потому что все деньги угроживаешь на Французского подданного. И вообще, что происходит? Просто ку-куру-куку и больше сказать ничего не могу! Слов нет!

Елизавета была возмущена. Время поджимало. Роман с Кругловым вошел в ту критическую стадию, когда настала пора для срочных и решительных мер. По опыту зная, что все романы неизбежно разваливаются, Елизавета желала чтобы этот роман развалился в законном браке: поэтому надо было спешить, а тут подруга все еще не пристроена.

Елизавета по-прежнему не решалась ранить Валерию своим счастьем. Она тщательно скрывала отношения с Кругловым. Но долго так продолжаться не могло. Больше рисковать Елизавета не хотела да и слишком опасно, Круглов мог сорваться с крючка. Она решила брать быка за рога.

В ресторане для разгона Валерия выслушала лекцию о женском достоинстве. За лекцией последовал вопрос:

– Зачем ты с «этим» живешь?

Валерия прекрасно понимала, что слово «это» заменяет другое, более обидное слово «ничтожество». Она рассердилась и закричала:

– А с кем мне жить? Я не могу жить одна, а ничего другого нет у меня!

Елизавета нахмурилась:

– Лера, ты же гордая, я знаю.

– Не гордая я! – огрызнулась Валерия.

– Гордая, просто скрываешь. Привела на свой диван какого-то Французского, – Лиза сделала паузу и добавила: – хронически подданного.

Валерия возразила:

– Толя не пьет.

– Что ты говоришь? – с сарказмом воскликнула Елизавета: – Трезвенник? Только что видела своими глазами. Так не пьет, что еле стоит на ногах и языком не ворочает. Лера, опомнись, – принялась увещевать она, – Французский никчемнейший человечешко. Одно слово: поданный. Он на шее твоей сидит да еще, наверняка, упрекает тебя, обижает...

Валерия обреченно молчала. Покорность подруги Елизавету взбесила.

– Черт возьми! – закричала она. – Олух какой-то тебя, красивую умную бабу, унижает! А ты спокойна? Да, ку-куру-куку?! Неужели это все тебя не колышет, не колет?

– Колет! – взорвалась Валерия, тоже переходя на крик. – Да, колет! Очень сильно колет! Что уставилась? Колет! Колет! До самой печенки колет!

– Не нервничай, – сказала Елизавета, мгновенно успокаиваясь сама. – Если колет, так в чем же дело?

– А ты не знаешь? Сейчас расскажу. Психолог Левин проводил эксперименты на крысятах. Одних он нежно поглаживал, других колол, а третьих оставлял без внимания. Знаешь что в результате произошло?

Елизавета равнодушно пожала плечами:

– Понятия не имею.

– Те крысята, которых он поглаживал, выросли здоровыми. Те, которых колол, тоже были здоровыми, но... злыми. Оч-чень злыми, – прошептала Валерия и тут же закричала: – А вот оставленные без внимания, болели! Сильно болели! Понимаешь? Я не хочу болеть! Я нормальная! Здоровая! Хоть и злая! Ну уж прости! Меня давно не гладил никто!

Она сделала паузу и продолжила уже тихо, даже устало:

– Лизка, отвяжись, пусть лучше колет. Ведь кто-то же должен меня любить.

– Хочешь сказать, колоть, – ехидно поправила Елизавета.

Валерия снова перешла на крик:

– Да! Хоть так! Любить и колоть, колоть и любить! Любить хоть с дивана! Лишь бы не это проклятое одиночество! Не болонку же мне заводить!

На ее лице застыла гримаса боли. Казалось, еще немного и слезы брызнут из глаз.

– Та-ак, – попытожила ошеломленная Елизавета, – полный ку-куру-куку наступил в твоей жизни. Ну, подруга, ты себя довела. Вижу, пора мне всерьез заняться тобой. Я, дура, думала, что дела вот-вот повернут на лад, а тут и конь не валялся – столько работы. Что ж, придется засучивать рукава.

Глава 10

На самом деле этот «ку-куру-куку», по мнению Елизаветы, никогда в жизни Леры и не прекращался. Одного за другим она подбирала непутевых мужчин, неудачников, бездомных, а, порой, и безработных...

– Теперь мы пойдем другим путем, – грозно сказала Елизавета в действительности засучивая рукава.

– Это каким? – струхнула Валерия.

– Сначала определимся Что нам нужно, а потом будем Это брать!

Валерия оторопела.

– Как брать? – прошептала она.

– Когда установим – Что, тогда и узнаем Как, – деловито пояснила Елизавета. – Ты в курсе как умная стильная женщина покупает одежду?

– Экспроприирует деньги у мужа и покупает.

От мысли такой Елизавета просияла и с восторгом облегчения воскликнула:

– Слава богу, хоть одну мудрую мысль я услышала от тебя! Лерка, оказывается, ты не безнадежная дура – бывают проблески знаний и у тебя, но речь о другом. Сейчас я о тактике говорю, а не о бабках. У умной женщины бабки всегда имеются, поэтому перейдем к тому, как она их тратит. Это ты знаешь?

Валерия, по всем признакам прикинув, что под умной стильной женщиной подразумевается круглая дура, смело предположила:

– Знаю, все деньги она тратит на шмотки.

– Правильно, – одобрила Елизавета. – Но сначала тщательно изучает себя, ищет плюсы и минусы в своей фигуре... Себя ты изучила?

– Изучила.

– Согласна. Ты всех мыслимых и немыслимых психоаналитиков до косточек обглодала, постигла все теории, следовательно прекрасно знаешь что у тебя за «фигура». Облегающее тебе пойдет.

Валерия растерялась:

– Какое облегающее?

– Самое что ни на есть облегающее. Муж должен со всех сторон тебя выгодно облегать, усиливая твои выдающиеся стороны. А там, где изъяны, он должен играть роль легкой драпировочки. Под драпировочкой от посторонних глаз прячется все лишнее.

Валерия окончательно зашла в тупик и рассердилась – что за человек эта Лизка, ни слова в простоте.

– Брось свои журналистские штучки, – закричала она. – Говори прямо, о чем речь?

– Речь о том, – невозмутимо пояснила Елизавета, – что люди безответственно подходят к судьбоносным событиям и со всей серьезностью решают незначительные проблемы. Если бы женщины выбирали мужей с той тщательностью, с которой обогащают свой гардероб, не было бы несчастливых браков.

Валерия вздохнула:

– Ах, если бы на брачном рынке был бы тот же выбор, что и в бутиках...

– Тем более расслабляться нельзя. Когда есть выбор, и дурак выберет, – отрезала Елизавета.

– Но что делать, когда выбора нет?

– Наши родители жили в условиях дефицита и потому одевались лучше нас. Моя мама точно знала какие она хочет джинсы, а потому гонялась за ними, не жалея ни сил ни времени.

И в конце концов их настигала. Если бы она с таким же упорством подыскивала мне отца, то я была бы королевой Англии...

– Королева Англии безбожно стара, – напомнила Валерия.

Елизавета нахмурилась:

– Да? Ну тогда принцессой.

– А принцесса мертва.

– Я была бы другой принцессой!

– Та тоже стара.

– Короче, – отмахнулась Елизавета, – слишком ты умная, а толку нет. Вернемся к делу.

Раз с фигурой мы определились, будем выбирать комплект.

Валерия опешила:

– Какой комплект?

– Комплект достоинств твоего будущего мужа, – пояснила Елизавета, доставая из сумки авторучку и блокнот. – Диктуй, дорогая.

– Но я не знаю что диктовать.

Брови Елизаветы взметнулись:

– Как? Ты до сих пор не определилась? Ну-у, милочка, поэтому и происходят с тобой чудеса. Что за ку-куру-куку? Что за легкомыслие? Это мужчина может беспечно себя позволить, а женщина всегда должна точно знать чего она хочет.

– Почему?

– Иначе, как она будет внушать мужчине чего хочет он? Неопределенность – враг секса, а без секса нет исполнения женских желаний. Короче, раз за дело взялась я, определять будем по моему разумению. Начнем с ног.

– Почему с ног? – изумилась Валерия.

– Потому, что любая грамотная женщина одеваться с ног начинает. Обувь диктует выбор одежды. К обуви гораздо больше требований: она давит, жмет, натирает мозоли, лишает возможности двигаться к намеченной цели. Или помогает – если правильно выбрана. Поэтому начнем с ног. К сапогам гораздо легче подобрать пальто, чем наоборот. Это знает каждая, уважающая себя женщина.

– Но при чем здесь мужчины? – поразились Валерия.

– Плохо следишь за моей умной мыслью. Что гласит народная мудрость? Мудрость гласит: волка ноги кормят. Скажи мне, дорогуша, какие ноги должны быть у твоего волка?

Елизавета приготовилась записывать. Валерия задумалась.

– Ну-у, желательно длинные и некривые, – сказала она.

– Правильно мыслишь, – записывая, одобрила Елизавета. – Ноги ровные и длинные. Голова твоего волка должна возвышаться над толпой. Что еще?

– Ну-уу, даже не знаю. Размер, желательно, побольше...

– Правильно, чтобы твердо стоял на земле. Что еще?

– Не люблю волосатые.

Елизавета возмущенно уставилась на подругу:

– Если неплохо «волосатая рука», то чем тебя не устраивает «волосатая нога»? Это еще лучше. Значит друзья и родственники у него везде: и в России и за границей.

Валерия надула губы и с обидой сказала:

– При чем здесь заграница? У Эркана и Рафика были волосы на ногах.

Елизавета зло сплюнула:

– Тьфу! Глупая! Я не о настоящих ногах говорю! Понимаешь? Это метафора! Какая у твоего волка должна быть профессия – вот я о чем.

Валерия задумалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.